

А.С. Голобоков

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФГОУ ВО «Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса»

А.С. Голобоков

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2016

УДК 008
ББК 316.346.32-053.6
Г61

Рецензенты: *А.А. Илларионов*, канд. ист. наук
(ВГУЭС);
Я.А. Волынчук, канд. полит. наук,
доцент (ВГУЭС)

Голобоков, А.С.

Г61 **Молодежные субкультуры** [Текст]: учебное пособие / А.С. Голобоков, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. – 96 с.

Учебное пособие посвящено изучению механизмов генезиса молодежных субкультур в трудах отечественных и зарубежных ученых, занимающихся данной проблематикой. Анализируются различные теоретические подходы (функционалистский, классовый, гендерный и расовый) к изучению субкультур, включающие в себя теории девиантного поведения. Рассматриваются основы формирования ранних субкультур на Западе, известные субкультурные течения, сложившиеся в Великобритании и США, истоки генезиса и основные этапы развития молодежных субкультур в СССР и России. Изучены взаимосвязь современных молодежных субкультурных движений с процессами глобализации; основные проблемы существования молодежных субкультур на современном этапе.

Предназначено для студентов, обучающихся по направлениям подготовки 39.03.03 Культурология, «Организация работы с молодежью», специалистов-социологов, а также широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

УДК 008
ББК 316.346.32-053.6

© Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса, оформле-
ние, 2016

© Голобоков А.С., текст, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Каждое конкретное общество создает свою собственную культуру, которая передается из поколения в поколение в результате исторического развития, что ведет к возникновению различных культурных явлений, традиций и ценностей. При этом в любой культуре существует господствующее направление, преобладание которого обусловлено властными социальными позициями проводящих его ученых и идеологов. Для академических традиций характерно, что по отношению к этому господствующему направлению разрабатываются различные радикальные перспективы, подвергающие критике фундаментальные идеи подобного господства. В западной литературе господствующее направление принято называть *мейнстрим* (от англ. «mainstream»).

В противоположность «мейнстриму» существуют культурные течения, не просто не совпадающие с господствующим направлением, а, напротив, в некоторых обществах открыто противостоящие ему. Зачастую это популярные молодежные движения и тенденции, которые принято относить к субкультурам.

В исследованиях культуры социологами можно выделить основную и субкультурный сегменты. Специфика отечественного *мейнстрима* заключается в том, что до недавнего времени он был не просто господствующим в науке, а единственным. Отечественная социологическая традиция исследования молодежи до определенного времени была невероятно идеологизированной. Существовал жесткий, строго ограниченный дискурс, феномены молодежных субкультур были представлены крайне односторонне. Молодежные субкультуры, выходящие за рамки правильного взросления, практически не изучались, а различные виды и формы «неправильного» поведения рассматривались через призму традиционных определений: алкоголизм – проституция – наркомания.

С появлением в постсоветское время большого числа новых субкультур, непосредственно связанных с проникновением в Россию все большего количества разносторонней информации, сформирова-

лись предпосылки для более дифференцированного подхода к определению и описанию субкультурного пространства современного общества.

Цель данного пособия – объяснить суть возникновения и существования субкультур, описать психологию неформальных движений среди молодежи, проанализировать причины ухода подростков в различные неформальные движения и сформировать у читателя ясное представление о роли, месте и разнообразии молодежных субкультур в развитии современного общества.

Пособие разбито на несколько частей, в которых решаются следующие задачи:

- анализ различных форм и механизмов культуры, предполагающий раскрытие таких понятий и категорий, как «культурные нормы» и «культурные символы», «молодежь», «субкультура», «контркультура» и т.д.;

- обобщение различных теоретических подходов к изучению субкультур, включающих в себя теории девиантного поведения, функционалистский, классовый, гендерный и расовый подходы;

- исследование формирования ранних субкультур на Западе, анализ основных субкультурных течений, сложившихся в Великобритании и США, истоки генезиса и основные этапы развития молодежных субкультур в СССР и России;

- анализ основных проблем существования молодежных субкультур на современном этапе, таких, как конфликт поколений в современном социокультурном пространстве, непонимание окружающих и неприятие права неформальных движений на самовыражение, отсутствие условий для развития толерантности, профилактики молодежного экстремизма и т.д.;

- исследование взаимосвязи современных молодежных субкультурных движений с процессами глобализации, обозначившей специфику неформальных молодежных объединений и «равных групп».

Материалы этого пособия в основном построены на анализе теоретического и практического опыта западных (прежде всего, английских и американских) ученых и исследователей, разработавших субкультурные концепции «молодежного вопроса» в западной и российской социологии. В исследовании затрагивается типология молодежных субкультур западного и российского общества, раскрыты их детали и особенности.

Данное пособие имеет теоретическую значимость, а также необходимо для проведения различных видов практик, написания курсовых работ, разработки социально значимых, творческих проектов для работы с молодежью.

Тема 1. КУЛЬТУРА И СУБКУЛЬТУРА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И МНОГООБРАЗИЕ ПОНЯТИЙ

Понятие «культура» в социологическом знании обозначает созданную людьми искусственную среду существования и самореализации: это обычаи, верования, ценности, нормы, символы, находящие свое выражение в предметной среде, моделях поведения, которые устанавливаются людьми, передаются из поколения в поколение.

Особое значение имеет выделение ценностного компонента, что позволяет объединить культуру в систему, обеспечивающую их связь на различных уровнях: общество в целом; социальные группы; личности и культурные универсалии. Американский социолог Д. Мердок выделил более 70 культурных универсалий – норм и ценностей, которые присущи всем культурам независимо от географического положения, исторического периода или социальных условий. К таким универсалиям относятся: язык, религия, символы, этика, искусство, образование, обычаи, ритуалы, правила поведения и т.д. [32]

Очевидно, что каждая культура включает в себя тысячи культурных элементов, сливающихся в некоторое единое целое. Элементами материальной культуры могут быть, например, такие предметы, как отвертка, карандаш, носовой платок. Элементами нематериальной культуры могут стать пожатие руки или езда по левой стороне дороги.

Рассматривая культуру в виде сложной системы, можно выделить в ней базисные элементы. Они подразделяются на два вида: материальные и нематериальные. Материальная культура – это то, в чем материализуются знания, умения и верования людей. Духовная культура включает язык, знания, верования, нормы, ценности, многое другое, т.е. все то, что возникает в сознании людей и определяет

их поведение. Язык – система знаков и символов, наделенных определенным смыслом, создание, хранение и передача информации. Язык также выполняет роль ретранслятора культуры, т.е. ее распространителя.

Социальные нормы – это правила, образцы и стандарты поведения в соответствии с ценностями определенной культуры. Нормы по своему происхождению и содержанию тесно связаны с ценностями. В норме та или иная культурная ценность представляется как желательный конкретный образец поведения, являясь системой поведенческих ожиданий, образцом того, как люди предполагают действовать.

Культурные нормы окружают нас со всех сторон, и мы очень часто следуем им, не осознавая этого. Выполнение социокультурных норм опирается на интуитивно найденные или сознательно выработанные представления человека о том, что можно и чего нельзя делать. В то же время общество осуществляет социальный контроль над поведением людей, стимулируя нормативное и пресекая девиантное (отклоняющееся) поведение.

В общественном мнении основные средства контролирующего воздействия представлены процедурами убеждения, морально-психологического вознаграждения за культурно одобряемое поведение (приветливая улыбка, хороший отзыв, похвала, признание, слава) и морально-психологического наказания за неодобряемое (недовольный взгляд, критика, брань, угрозы, бойкот).

Контроль за соблюдением норм и защита их от нарушений являются неременным условием существования культуры. Общество заинтересовано в этом потому, что соблюдение социокультурных норм обеспечивает безопасность взаимодействия людей, тогда как отступления от норм чреваты непредсказуемыми последствиями. Опасаясь девиантного поведения, люди вынуждены с подозрением относиться друг к другу. Когда вам предлагают сесть на стул, то вы можете спокойно усесться, потому что уверены в безопасности этого действия. Такая уверенность – следствие убеждения, что человек, предложивший вам сесть, соблюдает нормы культуры и не подставил вам стул со сломанной ножкой или иголкой в сиденье.

Различные культуры обладают разной степенью нормативности (например, в наше время нормативность русской культуры значительно слабее, чем английской, китайской и многих других). «Нормативная недостаточность» культуры может вести к росту преступности, падению нравственности, дезорганизации общественных отношений. «Нормативная избыточность», наоборот, способствует

стабильности общества, твердости и устойчивости общественного порядка. Это было характерно, в частности, для Англии «елизаветинской» эпохи и в некоторой степени справедливо для современного высшего общества.

Многие общекультурные нормы специфичны для определенной культуры и могут казаться представителям других народов странными и даже неприличными. К примеру, европейцев долгое время шокировала манера американцев прилюдно сидеть, кладя ноги на стол. В большинстве азиатских культур не принято выражать свои чувства прилюдно (целоваться на улице), а в ряде мусульманских стран за это налагаются штрафы. Иностранцев, приезжающих в Россию, поражает количество аварий на дорогах, а также беспечность, с которой пешеходы нарушают правила перехода улицы. А русские, в свою очередь, удивляются тому, как жители немецких городов выставляют прекрасную, но ненужную им бытовую технику и другие вещи, чтобы их мог бесплатно взять любой. Нельзя не упомянуть и о том, в какое неловкое положение ставили (и продолжают ставить) русских раздельные мусорные контейнеры в ряде стран: пищевые отходы отдельно, пластик и бутылки отдельно (впрочем, в России предприняты попытки внедрить такую систему).

Социальные ценности – это общественно одобряемые и принятые убеждения по поводу основных стремлений человека. В механизме влияния культуры на общественные отношения особенно важно то, что культура устанавливает системы ценностей и определяющие их критерии. Поведение человека определяется его потребностями, на основе которых формируется интерес, т.е. некоторым потребностям придается большее значение.

Большое значение для понимания культуры имеют также ценностные ориентации – элементы структуры личности, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе процессов социальной адаптации. Сформировать их помогают присущие любой культуре обычаи, традиции и обряды – понятия, тождественные в общих своих чертах, но имеющие свои характерные особенности и признаки.

Обряды – это совокупность символических коллективных действий, обусловленных обычаями и традициями и воплощающих в себе нормы и ценности. Сила и значимость обрядов заключается в их эмоционально-психологическом влиянии на поведение людей (например, обряд посвящения в студенты, обряд венчания, языческие обряды). С обрядами тесно связаны церемонии и ритуалы. Под *церемонией* понимается определенная последовательность символи-

ческих действий по поводу какого-либо торжественного события (как официального, так и неофициального характера). *Ритуалы* чаще связаны с символическими действиями по отношению к священному или сверхъестественному.

Обычаи – это привычные, наиболее удобные и достаточно распространенные способы групповой деятельности, которые рекомендуется выполнять. Если обычаи переходят от одного поколения к другим, то они приобретают характер *традиций* – элементов социального и культурного наследия, которые передаются из поколения в поколение и сохраняются в течение длительного времени. В современных (индустриальных и постиндустриальных) обществах сфера деятельности традиции сужается, среди самих традиций возрастает вес «вторичных» традиций. Традиция становится предметом ряда интеллектуальных операций с целью обоснования выбираемого будущего поведения через ссылку на авторитет прошлого или, наоборот, предметом критики под лозунгом «Освобождение от гнета прошлого».

Наряду с основными в культуре существуют и другие элементы, выполняющие определенные функции в обществе. В частности, привычки – стереотипы поведения в тех или иных ситуациях; манеры – внешние формы поведения, подлежащие оценке окружающих; этикет – особые формы поведения, принятые в определенных социальных кругах; мода – проявление индивидуальности и стремление поддерживать свой социальный престиж.

Нелишне выделить базовые функции, которые выполняет любая культура:

1) познавательная – проявляется в том, что культура выступает как способ, метод ценностного освоения действительности.

2) практически-преобразовательная – призвана организовать, определить содержание и направленность практической деятельности людей;

3) регулятивная, нормативная. Культура посредством социальных норм, ценностей, традиций, знаний создает устойчивые социальные условия жизни людей, упорядочивает опыт и регулирует поведение людей в обществе и той или иной социальной группе, поэтому большинство исследователей случайное, спорадическое не относят к культуре;

4) коммуникативная;

5) функция социализации человека;

6) гедонистическая – культура выступает средством развлечения, удовлетворения эстетических и моральных потребностей.

В зависимости от того, кто создает культуру, ее разделяют на массовую, народную и элитарную.

Массовая, или общедоступная, культура появилась в середине XX в., когда средства массовой информации проникли в большинство стран мира и стали доступны представителям всех социальных слоев. В современной социологии массовая культура рассматривается как коммерческая.

Важное направление исследования массовой культуры современной социологией – ее воздействие на становление личности. Так, австрийский психолог З. Фрейд указывал на то, что при потреблении массовой культуры действуют механизмы внушения и заражения. Человек как бы перестает быть самим собой, а становится частью массы, сливаясь с ней [5. С. 13–14].

Весьма специфической областью культуры XX в. является *культура народная*. Она разворачивается в социальном пространстве между классической фольклорной традицией, из которой возрастает, и массовой культурой. Изначально народная культура создается анонимными авторами, не имеющими специальной подготовки. Диапазон народной культуры очень широк: героический эпос, тосты, сказки, танцы, анекдоты, песни. Отношения массовой и народной культур весьма противоречивы. С одной стороны, массовая культура навязывает народной определенный образ мышления и выражения, а с другой – сама питается от народной.

Элитарная культура создается привилегированной частью общества или по ее заказу профессиональными творцами. К ней относят специфические формы культуры, создаваемые в расчете на то, что они будут поняты лишь небольшой группой людей, обладающих особой художественной восприимчивостью и называемых в силу этого элитой общества. Однако часто случается так, что элитарная культура оказывается временной формой эстетического самоутверждения.

Субкультуру – одно из проявлений элитарной культуры – можно охарактеризовать как систему ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая присуща более мелкой социальной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленной. Каждое общество создает свою субкультуру с набором символов, убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, отличающих то или иное сообщество или некую социальную группу. Соответственно, следует разделять социальные субкультуры, возникающие как позитивные реакции на социальные и культурные потребности, и субкультуры, являющиеся негативным

ответом на существующую социальную структуру и культуру, господствующую в обществе.

В более узком смысле термин «субкультура» означает социальные группы людей – носителей субкультуры. Современные культуры выглядят как специфический способ дифференциации национальных и региональных культур. Например, можно говорить о буддистской, христианской, мусульманской религиях в целом. Отдельные ветви, направления мировых религий создают свои субкультуры, например, православную, католическую, протестантскую.

Молодежные субкультуры можно назвать одним из наиболее ярких проявлений элитарной культуры, поскольку сегодня через нее проходят немногие молодые люди. Отклоняясь от традиционной культуры, молодежная субкультура выступает как часть общественной культуры, отличающаяся от преобладающей, и в действительности нацелена на включение молодых людей в общество.

Следует, тем не менее, оговориться, что понятия «субкультура» и «молодежная субкультура» нельзя считать одинаковыми, поскольку многие субкультурные течения (хитч-хайкеры, бэкпекеры, толкинисты, компьютерные хакеры и т.д.) включают не только молодежь. В то же время молодежь как наиболее чуткая и восприимчивая группа первой воспринимает новые формы развития в сфере досуга со всеми позитивными и негативными явлениями. Ее не могут до конца удовлетворить существующие общепринятые развлечения и способы проведения времени, поэтому молодежь придумывает свой способ, отраженный в субкультурном стиле. Необходимо сделать отступление и определить границы феномена «молодежь».

Одно из первых определений понятия «молодёжь» было дано В.Т. Лисовским: «Молодёжь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодёжи могут колебаться от 16 до 30 лет» [21. С. 179]. Определяя понятие «молодежь», следует выделить несколько смысловых категорий:

- определенный возраст;
- некое состояние, определяемое социально-культурными критериями;
- некая группа или поколение с присущими ей ценностями.

Если рассматривать в качестве смысла существования любой субкультуры процесс перехода из детского во взрослое состояние, вопрос об определенном возрасте является самым важным.

Е.Л. Омельченко пишет, что в понятии «возраст» можно выделить несколько уровней: биологический, психологический, социальный, культурный и т.д. Тогда понятие «молодежь» – это не просто некая социальная группа и ее значимые параметры, а социальная организация этой группы как со стороны ее внутренних имманентных характеристик (прежде всего, возрастной самоидентификации), так и со стороны ее окружения.

Сначала ближним кругом – семьей (гендерные роли и домашнее устройство), затем соседством (традиции и ценности локального сообщества), далее – социальными институтами (прежде всего, это системы социального контроля, осуществляемого со стороны социальных институтов через правовые системы, направленные на поддержание ролей; институт права, масс-медиа и система производства) и, наконец, самым широким социальным пространством, в котором любая возрастная группа социально организуется, являются некие общечеловеческие представления – этические и нравственные измерения и ценности. Они не сводятся целиком к конкретным историческим реалиям существования данного общества, а формируются внутри культуры как целого, того, что называется самыми разными понятиями в философских традициях, например, национальная душа, характер, архетипы.

Возраст – лишь исходная осязаемая предпосылка, задающая наиболее общие границы определения этого понятия. Главным остается не определение этих границ, а выявление нового социально-культурного качества возраста. Важна не простая констатация неких возрастных интервалов (даже с учетом новых коррективов), а определение социальной организации «возраста», процессов перехода, трансформации из одного возраста в другой [13].

Существуют очевидные, видимые и поддающиеся исследованию приметы возраста: «параллельный» взрослению процесс социализации индивида; ступени социальной идентификации; переход от семьи – через школу – к работе и т.д. Однако векторы современной социальной жизни – политика, идеология и культура – вносят в процесс определения границ возрастов новые коррективы и могут как нивелировать возрастные ограничения, так и усугублять их.

Достаточно четким фактором для определения статуса взрослого человека до недавнего времени была работа. Для Англии, США и ряда других стран Запада характерна устойчивая традиция: с момента окончания школы подросток сразу начинает готовиться к тому, что он должен будет в ближайшем будущем покинуть родительский дом. Факт ухода подростка (после окончания школы) из дома

воспринимается родителями и общественностью как нечто само собой разумеющееся. Либо подросток получает работу и снимает себе жилье сам, либо он поступает в университет, получает общежитие или снимает комнату, либо сами родители платят первое время за его жилье. Как правило, не принято оканчивать университет в том городе, в котором молодые люди жили с родителями, когда учились в школе. Однако сегодня можно наблюдать и обратный эффект, например, в Италии все больше и больше молодых людей продолжают жить со своими родителями до 30 лет и старше. В некоторой степени это характерно и для России, хотя объясняется, скорее, неблагоприятной финансовой и социальной обстановкой в ряде регионов.

В определенной степени на этот процесс негативно влияют СМИ. Несмотря на то, что молодежная субкультура определена как элитарное явление, связь субкультуры и массовой культуры очевидна. В новейших произведениях массовой культуры одновременно используются техники и приемы из самых разных историко-культурных текстов, смешиваются стили и языки, религии и символы. Один видеоклип или рекламный ролик, обращенный к подростку, может содержать в себе в снятом и смонтированном виде целый культурный пласт, в нем можно обнаружить отголоски самых разных культурных традиций. В этой перспективе культурные опыты подростка и взрослого могут совпадать, трудно бывает определить, где у подростка заканчивается его детский мир (в классическом смысле) и начинается взрослый. Невероятные темпы развития компьютерной грамотности и «компьютеризации» населения также не могут не сказываться на процессах взросления.

Таким образом, социальные аспекты влияют на биологический возраст, но полностью его не определяют. Если принять за критерий создание молодым человеком своей семьи или рождение детей, то мы вынуждены будем раздвинуть границы молодости и в ту, и в другую стороны. В одних странах и в одну эпоху взросление по этому критерию могло происходить с 13–14 лет, а в других ситуациях и другие люди либо станут взрослыми в 30–40 лет, либо вообще рискуют ими не стать. Во-первых, не все имеют детей, во-вторых, далеко не все заводят семьи (например, с юридической точки зрения).

Существенными оказываются не только общие, но и специфические черты перехода, характерные самым разным его моментам и отдельным группам, его проживающим. Какой бы критерий мы ни взяли, начиная от понятия эпохи и заканчивая разницей между столицей и провинцией, центром и периферией, мальчиками и девочками, важными остаются две большие задачи: необходимо проанализировать

зировать социальную организацию двух переходов: от детства к молодости и от молодости во взрослость. Состояние между двумя переходами можно будет с большей или меньшей точностью охарактеризовать как «молодежь».

Молодежная субкультура создается самими молодыми людьми для молодых, она эзотерична (тайный, скрытый, посвященный в тайны какого-либо общества или учения, открытого только избранным), конкретные ее варианты понятны лишь знающим и посвященным. Когда речь идет о субкультурах, как правило, выделяют те из них, которые не просто отличаются от доминирующей культуры, но противостоят ей, находятся в конфликте с господствующими ценностями. Они получили название контркультуры – комплекса норм и ценностей конкретных социальных групп, противоречащих общекультурным нормам и ценностям в обществе.

Обязательным признаком контркультуры считается ее оппозиционность. К молодежной контркультуре можно отнести культуры, в которых наиболее резко выражается неприятие молодым поколением современной культуры: наркотическую культуру, восточную мистику и оккультизм и т.п.

Виды контркультур:

- тип протестующего мировоззрения, выливающийся в протестную деятельность (терроризм);
- альтернативный стиль жизни, оппозиционный господствующему (хиппи, панки и др.);
- антитрадиционные формы художественного творчества.

В начале XX в. русские и зарубежные нигилисты, авангардисты, в 1960-е гг. некоторые молодежные группировки, например панки, выступали за уничтожение современной культуры, которая якобы тормозит общественный прогресс.

Конечно, молодежные субкультуры – это не только контркультуры, они включают в себя целое многообразие идей и взглядов. Английский социолог М. Брейк отмечал, что субкультуры как «системы значений, способов выражения или жизненных стилей» развивались социальными группами, находившимися в подчиненном положении, «в ответ на доминирующие системы значений: субкультуры отражают попытки таких групп решить структурные противоречия, возникшие в более широком социальном контексте» [17].

Субкультура может иметь смешанные ценности, связанные как с доминантными ценностями, так и со стилями, обнаруживаемыми в созданной индустрией молодежных развлечений культуре. В таком случае субкультуры оказываются выражениями доминирующей

системы ценностей, а не отклонениями или оппозицией по отношению к ней. Широко известны такие идеалы альтернативы, как пацифизм. Носители альтернативы – представители различных субкультурных групп, ориентированных самым различным образом, чаще всего экологического, пацифистского, феминистического движений, экспериментальных творческих групп. К альтернативе относятся и различного рода политические группы, вдохновленные идеологией анархизма, маоизма, троцкизма и т.п.; а также поклонники нетрадиционной медицины и «здоровых образов жизни». В теории альтернативы также выделяются: экологически-пацифистская альтернатива (альтернативные христиане, анархисты, отказники); альтернативная религиозная терапия (кришнаиты, растаманы, сатанисты, металлисты); креативная альтернатива (различные «электронные гуру», участники хепенингов, «графитники»). Важно, что к явлениям субкультуры причисляются ее альтернативные формы, связанные с процессом создания и выработки нового отношения к миру.

Таким образом, молодежную субкультуру в отношении доминирующей вместо противостоящей культуры следует рассматривать как «культуру-альтернативу». В целом молодежная субкультура может рассматриваться как богатый источник инноваций и открытий в искусстве, моде, формах досуга; вариант примитивной массовой культуры, продукт медиа-индустрии; форма творческой активности молодежи, не находящей принятия и поддержки со стороны официальной культуры; источник опасности для социального и духовного здоровья молодых.

Молодежная субкультура как система ценностей, моделей поведения, жизненного стиля какой-либо социальной группы представляет собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры. Субкультурные атрибуты, ритуалы как устойчивые образы поведения молодежи, а также ценности молодых, как правило, отличаются от таковых в культуре «взрослых», хотя с ними и связаны.

Деятельность большинства молодежных субкультур групп характеризуется замкнутостью, не регламентирована правовыми документами, не подотчетна государственным и общественным организациям. Они бывают близки к преступным группам с их криминальной субкультурой. В таком случае антиобщественная деятельность опирается на две тенденции: 1) институционализацию путем осуществления общественно полезных устремлений; 2) криминализацию из-за невозможности добиться цели легально. И российские, и западные молодежные субкультуры осознанно ищут некий новый

стиль жизни. Основой этого стиля или имиджа обычно становится в большей или меньшей степени трансформированный и адаптированный к местным условиям образ заимствованной культуры, цивилизации, литературного или киногероя, культовой фигуры или группы, обязательно романтизированных и идеализированных [3].

Феномены молодежных субкультур длительное время рассматривались в науке как девиации, а сами субкультурные сообщества – как угроза позитивной социализации. Однако современный подход к молодежным субкультурам отличается либеральным характером. Западное общество разрешает выражать молодежи себя в этой сфере, акцентируя внимание на социализирующей (адаптивной, интегративной) функции молодежной субкультуры. Задача социологов в этих условиях заключается, прежде всего, в том, чтобы показать, как в разных обществах организуются процессы перехода молодежи от одного состояния к другому.

Контрольные вопросы

1. За что отвечает гедонистическая функция культуры?
2. Почему субкультура считается одним из проявлений элитарной культуры?
3. Под какие возрастные характеристики попадает определение «молодежь»?
4. В чем отличие субкультуры от контркультуры?
5. В чем состоит специфика понятия «молодежная субкультура»?

Тема 2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СУБКУЛЬТУР

Следует оговориться, что весьма сложно провести четкие разграничения между различными направлениями в конкретном применении каких-то определенных подходов к исследованию молодежной проблематики. Научная литература о поведении молодежи представляет собой совокупность биологических, социальных и культурных объяснений причин отклоняющегося поведения среди молодежи. Чаще всего исследователями реализуется некий мозаичный подход. Изучению субкультур в определенном плане способствовали теории **постмодернизма, постструктурализма и дискурса.**

В теоретическом плане постмодернизм подвергает критике все те теории, которые построены на основе представлений о существовании некоего единого субъекта, идущего в ногу с прогрессивными закономерными историческими процессами. Постмодернизм подходит к изучению общества, исходя из того, что реальность сама социально конструируется, а, следовательно, прежде, чем изучать реальность, необходимо исследовать и понять дискурсы, которые ее формируют и конструируют.

Социально-экономическим аргументом и основой постмодернистской критики социологических подходов к понятию общества является не требующее доказательства утверждение, что современные общества невероятно изменились за последнее десятилетие и что их уже невозможно рассматривать и изучать как нечто единое, всеобщее и целое.

Постструктуралисты, не отвергая структуралистскую теорию, развивают на ее основе мысль о том, что человек (субъект) не ограничивается теми структурами, через которые выражается его собственный опыт. Субъект является мобильным, «незафиксированным»

и именно потому, что он не только формируется, но оказывается символически конструируемым общественными системами.

Дискурс – система взаимосвязанных между собой символов, где каждый символ есть ссылка на опыт. Дискурс – речь, фраза, жест, символический акт... что и как говорится, кем, кому, в какой обстановке, а также личности и взгляды участников сообщения. Использование теории дискурса позволяет постструктуралистам объяснить эту незафиксированность. Эта теория исходит из того, что значение чего бы то ни было не передается в прямом смысле, непосредственно, а конструируется внутри дискурса, в котором находится тот, кто это значение артикулирует. Поэтому сначала следует деконструировать тексты, чтобы вскрыть этот дискурсивный контекст, а уже потом пытаться понять собственно значение, вне его подачи «кем-то, находящимся внутри некоего направления». Главным теоретиком идеи конструктивного дискурса для социологии является М. Фуко. Он показал, как различные дискурсы производятся социальными инстанциями и общественными отношениями. М. Фуко исследовал развитие дискурсов сексуальности, преступности и сумасшествия [8].

Наконец, теория психоанализа объясняет процессы формирования раздвоенного, расколотого субъекта. Самый знаменитый в этом направлении теоретик – психолог Жак Лакан. Он исходил из того, что подсознание также лингвистически структурировано и что субъект, находясь внутри конкретного общественного и культурного порядка, совершенно неверно полагает, что он и его высказывания представляют собой нечто единое, думая, что именно он является автором (создателем) значений. В его подсознании борются, сталкиваются различные лингвистические конструкты, далеко не все из которых являются «произведением» данного субъекта [6].

Чтобы распознавать элементы разных теорий, важно сориентироваться в существе ведущих и наиболее значимых подходов в социологии молодежи. Следует остановиться на основных подходах, разработанных, прежде всего, американскими и британскими учеными для изучения уличных группировок.

Ранние подходы к определению девиантного поведения. Стронники биологического подхода полагали, что склонность к преступлению кроется в специфических особенностях личности, в тех ее качествах, которые не присущи «нормальным» людям. Чезаре Ламброзо, итальянский социопсихолог XIX века выстраивал конструкцию возможности раннего «распознавания» преступно (прежде всего, физиолого-психологически) ориентированных личностей,

которых можно нейтрализовать еще до того, как они пойдут на преступление. Если принять эту концепцию, то мы будем вынуждены признать, что «зараженными» и «преступно предрасположенными» оказываются не только отдельные личности, но и целые группы.

Впоследствии в рамках психодинамического подхода социологи связывают биологические теории девиации с вниманием к социальному окружению и моральными нормами. Источники преступлений – не только сами подростки, но и их родители, часто сами преступно ориентированные. Если общество не способно предоставить все необходимые условия для правильных и ответственных действий подростка, если сам человек не способен следовать общественным правилам, то эта невозможность «нормального» разрешения противоречия обращается вовнутрь [13].

Однако психодинамический подход не смог разрешить массу социологических проблем: почему формируется «норма» правонарушений именно в некоторых (и вполне определенных) пространствах? Почему, например, группировки постоянно воспроизводятся именно в рабочих кварталах? Как передаются нормы правонарушений, каким образом формируются коллективы молодых девиантов? В чем причины существования группировок, с какими периодами социальных и политических изменений связан «бум» группировок? В какой степени влияют на эти процессы СМИ и социальные реакции?

Расцвет западной социологии в 1920-х гг. стимулировал стремление ученых к пониманию причин возникновения уличных группировок и образа жизни их членов. Чикагская школа не была единственной в интерпретации уличных группировок как результата утраты молодежью социальных норм. Чуть позже возникшая школа «функционалистов» также пыталась увязать отклоняющееся поведение с нарушением социальной стабильности. Разница между двумя подходами в понимании причин этих нарушений: Чикагская школа применяла модель «естественного» мира, а функционалисты обращались к понятию «аномии», предложенному Э. Дюркгеймом. Дюркгейм, как известно, употреблял это понятие для описания среды как социально дезориентированной, в которой действия людей не управляются общественными нормами [19]. (В отечественных исследованиях аномия определяется как отсутствие четкой системы социальных норм и разрушение единства культуры.) [2. С. 531].

Роберт Мертон развил идею Дюркгейма до понимания феномена девиантного поведения как следствия разрыва между притязаниями личности в современном обществе и наличными возможностями для их реализации. Именно поэтому, как он полагал, девиантное поведение более всего распространено именно в бедных кварталах больших городов, где у молодых людей меньше всего возможностей для достижения личных целей легальным путем. Намного легче для них был другой путь достижения успеха – путь преступлений [7. С. 299–311].

Заслуга Р. Мертона состоит в том, что молодежная преступность была перемещена из пространства индивидуальных или личностных проблем самих подростков в более обширное поле социальных вопросов. Понятия «нормальности» и «ненормальности» начали требовать социологического, а не только психофизиологического объяснения. Однако Мертон помещает молодежную преступность в преддверие взрослой преступности, рассматривая ее как некую ступень к продолжению правонарушений уже во взрослой жизни. Поэтому его концепция «девиантности» все еще оставалась в пространстве криминальности.

Функционализм. В самом общем виде идея этой концепции заключается в том, что общество, социальная структура рассматриваются как аналогии тела, биологической системы. В рамках этой парадигмы социальные институты исследуются с точки зрения их функций, которые способствуют поддержанию общественного «тела» в жизнеспособном и развивающемся состоянии. Эти идеи, как правило, связывают с американским социологическим опытом, начало которому было положено в 1950-е гг. XX века.

Социологи-функционалисты исходят из того, что каждый социальный институт выполняет свою специфическую функцию и история обществ – лучший толкователь социальной эволюции. Социальные структуры меняются, становясь более специализированными и, следовательно, выполняющими все более специализированные функции в обслуживании общественного организма. Согласно этой концепции социальные институты должны быть объяснены с точки зрения их содействия социальной стабильности, и в качестве неких позитивных моментов в развитии необходимо определить их значение в продвижении общества в будущее. С другой стороны, те социальные институты, которые стали деструктивными, должны в действительности помогать поддержанию социального порядка. Так, Э. Дюркгейм, например, полагал, что преступность – это «нормаль-

ный» социальный феномен и с этой перспективы должен иметь свою социальную функцию [18].

Именно с этих позиций изучали в 1950-е гг. американские функционалисты культуру тинэйджеров. Понятие «тинэйджер» употребляется социологами не в буквальном быденном смысле. В принципе, тинэйджер – это подросток с 13 до 19 лет (пока в номинации возраста присутствует корень teen). Для социологов же это понятие имеет, прежде всего, отношение к подростковой потребительской культуре, то есть буквально это «подросток потребляющий» (рис. 1).

Рис. 1. Тинейджеры

Основная идея американских функционалистов сводится к тому, что молодежная культура появилась именно потому, что она решала определенные проблемы, возникшие в результате послевоенных изменений в американском обществе, прежде всего, в результате индустриализации. И задача социологов состояла в том, чтобы найти ту социальную функцию, которую играет молодежная культура в поддержании социального порядка, и показать, как именно это происходит.

Функционалистский подход к изучению молодежных субкультур впервые реализовал Толкотт Парсонс во время Второй мировой войны в ходе дискуссии о роли возрастных групп в обществе. В своем исследовании он пытался выяснить, как именно происходит передача ценностей от одного поколения к другому, благодаря чему поддерживается процесс трансляции ценностей, и как затем эти ценности реализуются в новых социально-культурных и экономических условиях [13].

Другой американский ученый, Шмуэль Айзенштадт, начал с утверждения о том, что все дети должны быть социализированы, прежде чем достигнут статуса взрослого. В примитивных обществах не существовало большой разницы между ценностями, передающимися от поколения к поколению. Период взросления был, следовательно, практически беспроблемным. Самой же молодости (того, что и является сутью периода перехода) просто не существовало.

В современных индустриальных обществах, напротив, образовался очень большой структурный разрыв между семьей, в которой ребенок вырос, и социальной системой, в которой ему нужно занять определенное место. Поэтому и возникает новая структурная позиция в обществе – позиция молодого человека. Изменение статуса от ребенка к взрослому никогда не бывает простым, существует период молодости, который является важной структурной позицией в обществе. В соответствии с этим молодежная культура понимается как институт, который регулирует процесс отделения ребенка от семьи, подготовку молодежи к занятию своей статусной позиции во взрослой социальной системе. Молодежь обретает в этом процессе маргинальный статус, поскольку она не может быть полностью интегрирована в социальную систему.

Айзенштадт писал, что молодые люди по-своему стремятся к обретению чувства стабильности, чтобы как-то компенсировать социальный опыт изменений, к чувству собственного достоинства, чтобы в какой-то степени компенсировать социальный опыт безвластия. При помощи своих действий молодежная культура помогает молодому человеку почувствовать себя хорошо (комфортно, стабильно), как бы ни оценивали его действия окружающие. Панки, например, могут выглядеть забавно, смешно на фотографиях, но совсем другой смысл это имеет для молодого человека, который стал панком. Для него (нее) это значит достигнуть определенной меры успеха и статуса внутри данной субкультуры. Для функционалистов в принципе существует определенная иерархия между молодежными группами или важность «равных групп» (рис. 2).

Рис. 2. Представители различных иерархий молодежных субкультур

«Равными группами» Айзенштадт называл те группы молодежи, отношения внутри которых характеризуются дружбой и верностью (преданностью) и обязательствами молодых людей друг перед другом. Молодежная активность – это практически всегда групповая активность. Существует социологическое допущение о том, что молодежь развивает свой вкус в одежде и музыке, находясь в группе,

отдыхая и развлекаясь вместе. Используя язык Айзенштадта, можно сказать, что равные группы управляют движением от частных ценностей к общим, из социального мира, в котором решения принимаются со ссылкой на родительский авторитет и семейные традиции, к миру, в котором решения должны быть отнесены к рационально понятным и согласованным с рациональными принципами. «Равные группы» – не источник ценностей, а способ нахождения своего места в мире, способ социальной идентификации [1].

Самая существенная критика функционализма заключается в вопросе: неужели все молодые одинаковы? Можно ли вообще использовать термин «молодежная культура» по отношению к институту, где каждый субъект включен в него по возрастному принципу? Другой недостаток касался оценки роли девушек и невниманию социологов по отношению именно к ним.

Наиболее страстно и пылко критические аргументы теории функционализма были развиты английским социологом Дэвидом Мерслэндом, который считал, что вся молодежная культура имеет некоторую автономию, ссылаясь на систему верований, которой следуют все молодые люди. Он делает вывод, что именно потому, что подростки настолько свободны, взрослые должны направлять их и руководить ими. Субкультурные теории исходят из того, что официальное взрослое вмешательство в молодежные культуры (например, через молодежный сервис) – это форма социального контроля и один из аспектов классовой борьбы. Д. Мерслэнд считает, что молодежный сервис необходим для самих же молодых людей [13].

Таким образом, с середины 1950-х гг. на Западе начинают развиваться разные подходы к исследованию молодежной культуры, подвергшие серьезной критике, прежде всего, функциональный подход к изучению молодежных культур.

Социологические подходы: этнографический, теория обучения, теория стигматизации (наклеивания ярлыков). Говоря о роли внешнего окружения в формировании молодежной субкультуры, все американские социологи едины в одном: существует так называемая «живая криминогенная субкультура», в которую молодежь включается в поиске своего жизненного пути. Этому в большой степени способствовали существующие теории девиантного поведения, связанного с социальной средой.

Еще в 1920-х гг. американским социологом Э. Сазерлендом была предложена теория «обучения девиации». Он полагал, что существуют некие близкие, интимные формы научения девиантности

внутри групп сверстников; постепенно ассоциация с преступной группой начинает значить для молодого человека намного больше, чем ассоциация с «нормальными» сверстниками (например, в школе) [34]. В этой теории уже просматриваются элементы субкультурного подхода к молодежной проблематике.

Этнографические исследования молодежных группировок в течение 1940–1950-х гг. начались с критики суждения функционалистов о том, что молодежь изначально склонна к девиантному поведению. Если функционалисты видели причину отклонений в психологических факторах передачи определенных традиций, норм и ценностей от поколения к поколению или в склонности некоторых подростков к девиантной социализации из-за «неблагополучности» их социального окружения, то этнографические исследователи подчеркивали, что молодые люди сами выбирают этот жизненный путь.

Выдающийся американский криминолог А. Коен отвергал тезис о том, что в бедных кварталах изначально утрачены социальные нормы, что там царствует закон джунглей. Он предполагал, что уличная, часто криминогенная группировка является коллективным решением общей проблемы (на культурном уровне), характерной для всей малообеспеченной молодежи. Этой общей проблемой, по его мнению, является «статус». У молодых людей из малообеспеченных семей было то же самое «естественное» желание, характерное для всех подростков среднего класса, добиться успеха и признания, но и у них было гораздо меньше возможностей для его реализации. Для решения этой проблемы кто-то стремился приспособиться к общепринятым нормам успеха, к получению различных школьных наград, хотел стать кино- или поп-звездами, достичь успеха в спорте, другие же прибегали к незаконным путям достижения признания и определенного социального статуса [13].

Работы Альберта Коена совершили настоящий переворот во взглядах на подростковую преступность. В своих исследованиях он доказал, что преступления группировок совершались из соображений престижа и для подтверждения идентификации с группой. Это было умышленным перевертыванием социальных норм ради получения какого-то нового удовольствия. Одна из главных идей этого автора заключается в том, что молодые люди не становятся антисоциальными после включения в группировку: в группировку приходят именно антисоциально ориентированные подростки для поддер-

жания (институционализации) своих антисоциальных норм и ценностей.

У групп подростков одного и того же возраста, но по-разному ориентированных, существуют значительные отличия в представлении о статусе и критериях его достижения. Статус послушных учеников из среднего класса: образование, квалификация, уважение, замужество, признание заслуг со стороны значимых взрослых, а в их лице – общества в целом. Статус мальчишек из подворотни: моментальное удовольствие, грубость, жестокость, высокий уровень риска и волнения, ценности, которые не сулят каких-либо похвал со стороны взрослых и общественно значимого признания.

Тем не менее, не все дворовые парни становились членами преступных ассоциаций. Вопрос оставался открытым: почему одно и то же общее социальное окружение и соседство стимулирует как желание соответствовать нормам среднего класса, так и желание активно противостоять им? Новые идеи по этому поводу пришли с исследованиями социолога Уолтера Миллера. Он попытался доказать, что дело не в стремлении к идентификации с нормами среднего класса, а в желании подростков приспособиться к ценностям «более низкого» класса.

У. Миллер применил понятие маргинальности для объяснения позиции подростков. Позиция определенной (речь идет именно о девиантно ориентированной) группы подростков становится маргинальной в школьной структуре, подростки начинают чувствовать свою незначительность, поскольку у них отсутствуют возможности для реализации своих потребностей в самоуважении и самоидентификации. Следуя концепции Миллера, подобные подростки не специально выбирают девиантный путь, они просто выбирают некий путь, позволяющий им самореализоваться, добиться хотя бы какого-то признания. И часто этим путем оказывается девиантная ассоциация. В какой вид девиантной активности включится такой подросток, во многом зависит от наличия возможностей в окружающей среде. Нередко к выбору той или иной формы девиации молодого человека подталкивает не только его окружение (наличие, например, традиции употребления наркотиков в среде его непосредственных друзей или сверстников), но и реакция общества на его поиски своего места.

Д. Матза исследовал смыслы молодежного «противостояния», используя для этого высказывания самих подростков о своем поведении, и пришел к выводу, что сами подростки практически не различают «преступное» и «непреступное» поведение. Подростки постоянно прибегали к рационализации своих конкретных действий, которые расцениваются обществом как пре-

ступные. С их же точки зрения, у каждого поступка есть конкретная причина. Д. Матза пишет, что на самом деле группировка обучает не девиантным ценностям, а девиантным оправданиям совершаемых преступлений.

Самый большой вызов утверждению, что существует сам по себе некий «девиантный» тип, был сделан в 1960-х гг. и связан с растущим влиянием новой школы социологического мышления, так называемым «интеракционизмом», или «теорией наклеивания ярлыков».

Смысл этих теорий в том, что девиантное поведение не есть некая психологическая предрасположенность отдельных индивидов, а процесс «обучающей» социализации, другими словами, как только человеку приклеивают ярлык преступника, он и становится им [29]. Вербализация и артикуляция именно такого обозначения данной группы людей оказываются решающими для завершения процесса их идентификации с этой «девиантной» группой.

Работа А. Коена «Народные бесы и моральные паники» основана именно на этом подходе. Объектом исследования Коена стали две английские молодежные субкультуры 1960-х гг. – «моды» и «рокеры» (рис. 3). Его исследование показало, каким образом из нескольких столкновений между этими группировками, в основном в курортных местах на юге Англии, вырос целый социокультурный феномен огромного масштаба. Немалую роль в этом сыграли средства массовой информации, которые делали своеобразную рекламу этим группировкам своими сверхподробными статьями о действиях их членов и реакциях работников органов социального контроля, полиции и судов [26].

Рис. 3. Моды и рокеры. Противостояние

Теория интеракционизма – это радикальное отвержение тех подходов к «девиантному» поведению подростков, которые основаны на предположениях о биологических или психологических предрасположенностях человека к такому поведению. С. Коэн доказывал, что само общество способствовало развитию отклоняющегося поведения, изначально рассматривая рабочую среду как имманентно отклоняющуюся от нормы. При этом под нормой всегда и безоговорочно понималось лишь одно – нормы и ценности среднего класса. Именно эти идеи помогли социальным работникам и радикально настроенным политикам, прогрессивным преподавателям и учителям бороться с ненужным вмешательством в дела рабочих семей и с предрассудками по отношению к ним со стороны органов социального контроля и порядка [13].

Теория стигматизации породила цепочку примечательных социологических тезисов, основной из которых состоит в том, что навешивание на человека ярлыка способно сделать более интенсивным его девиантное действие. Особенно это относится к общественным реакциям на «естественно» девиантных личностей – черных (расовый ярлык) или гомосексуалистов (сексуально-гендерный ярлык). Также это относится и к классово противоположным слоям населения.

Классовый подход: «сопротивление через ритуалы». Предпосылки для классового подхода уже существовали при разработке учеными предыдущих подходов. Так, например, при изучении группировок исследователи Чикагской школы открыли определенную зависимость подобного социального выбора от недостаточного социального статуса у рабочей молодежи, что, естественно, было обусловлено их социальным происхождением. Важную роль в формировании этих взглядов сыграло обострение классовой борьбы в Западной Европе с середины 1960-х гг., приведшее к так называемой «революции 1968 года» – знаменитым студенческим выступлениям во Франции и в других странах Европы. За ней последовал мощный экономический кризис начала 1970-х гг., серьезно повлиявший на эволюцию молодежных культур на Западе.

Классовый подход сформировался у английских социологов, стремившихся к критике концепции общества «всеобщего благополучия», и у американских социологов, исследовавших девиантное (отклоняющееся от нормы) поведение подростков (в среде рабочей молодежи). Работы Д. Доунса и П. Уиллиса сыграли самую решающую роль в развитии основ «нового» классового подхода. Д. Доунс исследовал различные девиантные субкультуры в Лондоне. Одним из результатов его работы было доказательство того, что дело не в

том, что у подростков существует излишек средств и свободного времени (то, что им давало благополучное общество), и не в том, что девиантное поведение передавалось от одного поколения к другому через гены или посредством включенности в криминогенные структуры. Он полагал, что причины находятся в системе образования, которая не учитывает интересы и способности средних и слабых учеников из рабочего класса.

П. Уиллис проводил углубленное исследование образа жизни группы молодых ребят-одноклассников в одной английской средней школе. В своем исследовании он подтвердил догадки Д. Доунса о том, что средне- и слабоспособные ребята из рабочей среды серьезно отходят от ценностей школы, то есть от ориентации на достижение в рамках общепринятых в школе ценностей, таких, как хорошая учеба, послушание, оценка со стороны учителя и т.д., просто потому, что школьные занятия представляются им абсолютно бессмысленными (тут сыграло роль и их представление о будущем, в котором не было места формируемым школой навыкам). Они создали между собой свой собственный мир, который состоял из «других» ценностей: умений «прикалываться», «прогуливать», «наезжать на отличников». На самом же деле их сообщество оставалось очень замкнутым. Уходя от ценностей, которые казались им чужими, они сами обрекали себя на ту же подчиненность, которая была у их родителей, поскольку без образования они в будущем могли рассчитывать только на малоквалифицированную работу [30].

К классовому подходу условно можно отнести и понятие «символическое потребление», использовавшееся для отделения одних групп подростков от других. Для описания «значений» одежды как символа использовалась теория французского ученого-антрополога К. Леви-Стросса, имевшая в качестве одного из предположений допущение, что, надевая что-либо (одежду, украшения) употребляя различную косметику, молодые люди могли не просто отражать значения, уже существующие у этих предметов, но и присваивать этим символам свое значение (подрывать существующие смыслы) [27. P. 321–340].

Расшифровка стиля тедди-бойз 1950-х гг., например, основывалась на предположении о том, что эти ребята из рабочего класса были исключены из всех способов социального продвижения. Надевая костюмы элитарного стиля, они достигали этого продвижения на символическом уровне (рис. 4). Для того чтобы понять смысл данного феномена, нужно обратиться к английской моде. Костюм, который надевали «тэды», назывался «Edwardian suit» (по имени ко-

роля Эдварда, во времена которого он был моден). Именно этот костюм стал опять модным в 1950-е гг., когда элитарные модельеры Лондона возродили этот стиль и начали продавать подобные вещи людям из высшего класса. В 1953 г. этот стиль уже восприняли ребята из рабочего класса, стремясь с его помощью символически продвинуться от самого низкого до самого высокого социального уровня.

Отношение между субкультурным стилем и группой нередко называется «гомологичным», т.е. таким, когда субкультурная группа сама создает себя. Это понятие, таким образом, отражает наиболее фундаментальные субкультурные ценности группы. В этом еще одно отличие классового подхода от функционального: в последнем стиль понимался лишь как внешняя, поверхностная атрибутика субкультуры [13].

Интересен с этой точки зрения стиль бритоголовых (скинхедов). Они носят тяжелые рабочие ботинки, джинсы с подтяжками и стригут головы наголо, что отражает именно те ценности, которые были очень важны для этой группы: сильный мужской дух, шовинизм, пуританство и рабочий коллективизм. Материальные предпосылки возникновения субкультуры скинхедов обнаруживаются в относительном ухудшении положения рабочего класса во второй половине 1960-х гг. Этот упадок особенно остро чувствовали именно молодые и малоквалифицированные рабочие. Чтобы как-то примириться с новым положением, одни молодые выбирали «продвигающую» субкультурную стратегию (как «тэды» или «моды»), а другие, наоборот, выбирали «естественную» их положению субкультурную форму, которая представлялась им ближе к настоящей рабочей культуре. К последним как раз и относились скинхеды. Они собирались по территориальному признаку, проявляя крайнюю агрессивность по отношению к тем, кого они обвиняли в распаде рабочей общины и забвении ее ценностей. Чаще всего их агрессия была направлена против иммигрантов и афро-американцев, скинхеды часто нападали на них и жестоко избивали. Знаменитая любовь скинхедов к футболу также объясняется проявлением их мужского духа, особенно это находило (и отчасти находит) свое воплощение в постоянных драках после матчей.

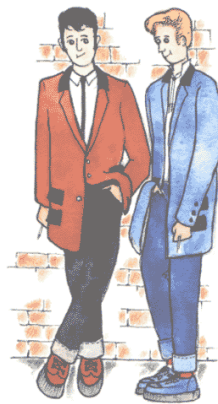

Рис. 4. Стиль «тедди-бойз»

Гендерный подход. Одной из причин критики существующего в 1970-е гг. подхода к изучению молодежных культур стала дискуссия на тему отношения исследователей к полам. Спрашивалось, в частности, почему все субкультурные формирования изучаются, во-первых, принципиально как мужские и, во-вторых, мужчинами? Почему девушки исключены из анализа тэдов, бритоголовых, модов? Вместе с игнорированием девочек теоретики, по всей видимости, игнорировали и взаимоотношения мальчиков и девочек, субкультурную сексуальность, позиции разных групп по отношению к семье и женитьбе.

Практически все исследования молодежной преступности сфокусированы, прежде всего, на мужской преступности. Важным при этом оказывается и то, что большинство социологических

исследований о молодежной преступности проводились и проводятся именно мужчинами, которые, скорее всего, солидарны с реакцией полиции на женскую девиантность как нечто необычное.

Первое предположение этих теорий, которое заключается в том, что девушки в принципе менее деликвентны, чем парни, приводит ко второму предположению. Те девушки, которые все-таки принимают участие в преступлениях, просто ненормальны (необычные, нетипичные и т.д.). Женская деликвентность, даже с точки зрения общественного мнения, всегда вызывает большее негодование по отношению к одним и тем же фактам. И, наконец, женская преступность практически повсеместно ассоциируется с сексуальными девиациями, с природной «естественной» женской распущенностью. Чаще всего девочки представляются в роли жертв, а не бунтарей.

Социальное явление в 1970–1980-х гг., которое стало модно относить к росту преступности, – факт роста числа женщин, работающих в общественном производстве. Это стало действительно массовым явлением во время и после Второй мировой войны. Вместе с ростом числа разводов появилось понятие «брошенного дома». В обоих случаях, как полагали исследователи, отсутствие одного родителя, что уже само по себе считалось отклонением, приводит к развитию у ребенка антиобщественного поведения. В Англии еще одной основой для моральной паники стали те дети, которые сами возвращаются домой из школы и развлекаются, как могут, пока их матери не вернутся с работы. Важно отметить, что в этой заброшенности детей общество обвиняло, конеч-

но же, только работающих матерей. Понятие «работающий отец» просто отсутствовало.

В некоторых исследованиях конца 1960-х гг. женскую преступность связывали с ненормальным «гормональным» развитием и спецификой построения женских хромосом. То, что подобный биологический подход еще имел место в конце 1960-х гг. нашего столетия, свидетельствует о недостаточном развитии к тому времени социологических исследований женских девиаций. Представление о ненормальности девиантности у девушек приводит к тому, что они приобретают и некие вполне материальные преимущества. Скорее они, а не мальчики будут рассмотрены полицией и офицерами социальной работы как нуждающиеся в защите, заботе, поддержке и контроле. И если их, например, стремятся убрать из девиантного района, то, скорее, не для того, чтобы стало спокойнее и безопаснее для других, а как бы для их же пользы.

Во всех перечисленных подходах явно прослеживается двойной сексуальный стандарт: для девушек их сексуальная активность проблематична, в то время как сексуальная активность мальчиков, наоборот, беспроблемна. Проблема изучения женской подростковой преступности не в том, что игнорируется чисто женская преступность, а в том, что, даже когда она исследуется, происходит это часто неадекватно или по образу и подобию мужской (по умолчанию).

Даже само понятие «субкультура» – это чисто мужской термин, и оно было подвергнуто самой жесткой критике. Эмпирическое исследование подтвердило мысль о том, что девочки все-таки являются членами субкультур, находясь в маргинальной женской позиции, что отражает «нормальные» сексуальные ожидания мальчиков. Девушки определяются ими, прежде всего, как подруги. Американские ученые предположили, что на самом деле не существует собственно женской субкультуры как некоего способа, которым именно девушки из рабочей среды могут коллективно противостоять доминирующим культурным нормам. Девушки по природе своей более пассивны, конформны и не заинтересованы вступлением в группы. Женская преступность все еще продолжает интерпретироваться как симптом сексуальных проблем и поэтому как нуждающаяся в специальной социальной помощи и защите.

В результате же оказалось, что жизненные истории, которые исследовались учеными, могли быть отнесены лишь к одной (мужской) «половине» молодежи, следовательно, только на анализе субкультурных форм этой «половины» и были построены все их теории.

Причины отсутствия девушек в субкультурных исследованиях самые разные. Исследователей мало интересовала жизнь девушек; в некоторых субкультурных формированиях, например уличных бандах, позиции девушек были по преимуществу периферийными; частично их субкультурная жизнь была выражена через другие формы. Социологи А. МакРобби и Д. Гарбер назвали некоторые чисто женские подростковые субкультурные формирования «культура спальни», потому что ее нельзя было обнаружить или найти на улицах, там, где «тусовались» рокеры, моды или скинхеды, а лишь в чисто «женских местах», т.е. дома, а еще, точнее, в спальнях. В своей спальне девушки собирались с близкими подругами и фантазировали о своем будущем, о будущих романах с мужчинами. Таким образом, у девушек существует своя субкультурная жизнь, имеющая специфические отличия от мужской [13].

Анализ субкультурных теорий показал, что когда ученые начали уделять внимание девушкам, то их субкультурное участие рассматривалось не просто как девиантное, а как сексуально отклоняющееся поведение. Последнее понималось, конечно же, как нравственно тяжкая форма в сравнении с субкультурными девиациями мальчиков. «Испорченная» девушка рассматривалась как испорченная «навсегда». Ведь женщины по определению должны быть пассивными, послушными, спокойными и подчиненными. Возникли моральные паники по поводу поведения молодых девушек.

Расовый подход. В медицинской и психологической литературе о молодежи уже давно существовали публикации, в которых ученые стремились доказать, что отклоняющееся поведение передается биологически и что есть некоторые расы, больше склонные к девиациям, чем другие. К середине 1970-х гг. было известно, что в целом идея девиантности построена на представлениях о нормах как нормах белого среднего класса, поэтому всякое другое поведение рассматривалось как отклоняющееся.

Новыми бедами для тех, кто не полностью отказался от биологического подхода, стали молодые представители негритянского населения. В 1970-х гг. в Англии разразилась новая моральная паника по этому поводу, поскольку участились случаи краж имущества на улицах, в которых основными действующими лицами были молодые чернокожие. Американский социолог Уилберт Мур стремился доказать, что существуют генетические объяснения именно такого девиантного поведения. Он сделал вывод о том, что, прежде всего, склонны к преступности молодые (12–30 лет) черные люди (мужчи-

ны), особенно если они были выходцами из многодетных семей, родители которых находились в разводе [31].

Черная молодежь стала в Англии проблемой, и это было похоже на то, как в предшествующем веке белая молодежь стала проблемой хулиганства. Хулиганство начало ассоциироваться с расой. Различие между черной и белой молодежной субкультурой в том, что черная молодежь обособляется не просто по отношению к ценностям среднего класса, но и к ценностям «белого среднего класса». Социологические аргументы о культуре черной молодежи заимствованы из теорий, развивающих понимание белых молодежных субкультур, связывающих их развитие с боязнью мальчиков и недостатком статуса в институтах среднего класса, с отражением ценностей среднего класса, с празднованием скрытых норм.

Особое подозрение общество испытывало по отношению к такой черной молодежной субкультуре, как «rastafari» («растафари»), которая сформировалась на основе одного музыкального стиля и политических взглядов молодых черных (рис. 5). Но уже к концу 1970-х гг. стало очевидно, что вся молодежная культура на Западе развивается на основе взаимодействия африканских, азиатских и новоевропейских культурных влияний. Работы П. Гилрой показали, как происходил этот положительный культурный обмен.

Рис. 5. Растафари

Все перечисленные подходы могут быть рассмотрены как «радикальные». Главная их мысль заключается в том, что не так важен разрыв между молодежью и старшим поколением, как разрыв внутри общества в целом по признаку класса, пола и расы.

Общим можно считать механизм возникновения субкультур, который подразумевает чередование следующих этапов:

1. Отрицание общепринятых ценностей.
2. Выработка новых ценностей.
3. Поиск единомышленников

Контрольные вопросы

1. В чем заслуга Р. Мертон в изучении молодежной преступности?
2. Какие недостатки указывали критики функционалистского подхода?
3. Что такое «равные группы»?
4. Какую зависимость открыли ученые Чикагской школы при исследовании молодежных группировок?
5. Применим ли к современной российской молодежи классовый подход?

Тема 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СУБКУЛЬТУРНЫХ ДВИЖЕНИЙ. ОСНОВНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ ЗАПАДА

Появление первых организованных молодежных субкультур на Западе можно отнести к XV–XVI вв. Процесс быстрой урбанизации начался с огораживания общинных земель, который способствовал трансформированию крестьян в наемных рабочих, разрушал традиционные схемы и правила наследования, выталкивал молодых рабочих в города. Рефлексия личности «молодежи» начиналась с осознания того факта, что общество теряет контроль над урбанизированной молодежью.

Молодежь Англии начинает вытесняться из деревень, и молодые люди были вынуждены искать наемную работу в развивающихся городах. Потеряв надзор старейшин в деревенских общинах (традиционная форма патриархальной социализации), молодежь очень быстро стала превращаться в реальную угрозу для общества – его спокойствию, моральным устоям, нравственности. С 1770 по 1870 г. урбанистические группировки молодежи из рабочего класса, основанные на принципе соседства и контроля над территорией, возникли как базовые единицы образования молодежной культуры. Некоторые из них были характерными для современных урбанистических субкультур.

К концу XIX в. явление молодежных группировок распространилось по всем большим городам Англии. В каждом городе они назывались по-разному, у всех был свой стиль жизни и одежды, свои традиции. Одна из этих группировок снискала себе всемирную славу. Их называли «хулиганами». Публика узнала о хулиганах после их массового задержания на августовском празднике в 1898 г. Название хулиган происходит от словосочетания «Hooley's Gang», т.е. «группировка Хули» – ирландца, жившего в Лондоне в XVIII в. [14].

Другие версии связывают происхождение термина со словом *houlie*, что на ирландском означает «необузданная, дикая алкогольная вечеринка» [28. Р. 113]. Впоследствии банды хулиганов стали ассоциироваться с уличными боями (столкновениями типа улица на улицу).

Проблемы, связанные с хулиганами и с другими урбанистическими молодежными субкультурами, были проблемами для юристов и законного порядка. Однако необходимость предупреждения преступности была не единственной причиной для артикуляции субкультуры хулиганов через дискурс закона и порядка. Хотя рост делинквентности и зафиксирован в криминальной статистике, это может объясняться скорее расширенным пониманием феномена делинквентности, чем реальным ростом насилия и преступности. В реальности преступные действия группировок типа хулиганов были лишь частью их особого образа жизни. Так, например, группировки или банды подростков, занимавшихся хулиганством или вандализмом, не имели аналогичных мотивов во взрослом преступном мире. Подобные преступления, как правило, совершались не ради получения материального вознаграждения – денег или каких-либо товаров. «Хулиганизм» представлял как занятие, доставляющее удовольствие само по себе.

Реальная проблема была связана с социальным контролем потенциальных бунтовщиков в среде рабочего класса. Второй центральной темой дискурса закона и порядка стало продвижение новых, основанных на урбанизме, институтов социального контроля, которые, как предполагалось, заняли бы место традиционных деревенских механизмов поддержания коллективной морали. Субкультура «хулиганов» по-прежнему остается в обыденном сознании символом английской городской культуры нового времени [33].

Следует отметить, что молодежная субкультура вследствие своего протестного характера носила ярко выраженный контркультурный аспект. В XIX в. студенты читали новейшие книжки, готовили конспекты и обсуждали их на собраниях с целью немедленного внедрения в повседневность вычитанных идей. Спустя век стало принято сочинять остросоциальные стихи или философские притчи и класть их на музыку. При этом считалось нормой в молодежной среде отрицать сложившиеся традиционные ценности, ничего не предлагая взамен. Впоследствии многие виды молодежных субкультур сохранили свои контркультурные установки, остальные изменили их, пытаясь взаимодействовать с обществом.

Основными предпосылками возникновения молодежных субкультур, таким образом, являются:

1. Переход развитых обществ на постиндустриальную стадию развития.
2. Увеличение периода социальной молодости.
3. Протест молодого поколения против сложившихся ценностей традиционного капиталистического общества.

Начало формирования ранних молодежных субкультур обычно датируется 1920–1950 гг., а местом возникновения данного явления считаются США, Великобритания и впоследствии другие европейские страны. Источником возникновения молодежных субкультур являются молодые индивиды, отчуждающиеся от следующих социальных субъектов: семья, друзья, коллектив, армия. К сущностным чертам молодежных субкультур на этом этапе можно отнести:

1. Наличие определенного социального субъекта, который, видоизменяя ценности традиционной культуры, формирует идеологическую основу молодежной субкультуры.
2. Возникновение и развитие специфических жизненных установок в рамках молодежной субкультуры.
3. Возникновение и развитие специфического образа жизни и стиля поведения.

Следует выделить несколько движений западного происхождения с начала до второй половины XX в., повлиявших на развитие субкультур.

1. Зут (Zoot). В конце XIX в. подавляющее большинство белого мужского населения на Западе стало носить строгий, деловой костюм как вызов всему фривольному и экспериментальному. В конце 1930-х годов в Калифорнии среди мексиканцев возникла мода на костюмы с огромными, подбитыми ватой плечами и широкими штанами, суженными к щиколотке. Они получили название костюмов в стиле зут (Zoot Suit).

Стиль «зут» стал признаком этнической мужественности – субкультурный жест молодых людей, отказывающихся признавать свое соответствие нормам доминирующей культуры. Этот стиль понравился и гангстерам – в нем удобно было прятать оружие. Выйти в таком костюме на улицу считалось особым шиком: обладатель сразу поднимался в глазах своих друзей на недостижимую высоту. Для негритянской молодежи, лишенной гражданских прав, само обладание таким костюмом считалось «немым» вызовом белому сообществу.

И впервые на уличных углах, у кофейных лавок появляются группы «зут» – одна из первых городских молодежных субкультур (рис. 6).

Рис. 6. Субкультура «зут»

Для «черных зут» не только одежда служила признаком «инаковости», но и музыка – все популярные джазовые музыканты тех лет ходили в таких костюмах. А значение джаза – звукового воплощения «черной души», средства ненавязчивой, спонтанной рекламы ценностей и установок первых «черных» субкультур трудно переоценить. В 1941 г. журнал *New Yorker* констатировал, что одежда «зут» стала самой модной среди белой молодежи Нью-Йорка [25]. Район Гарлем впервые назвали законодателем уличной моды.

В начале 1940-х гг. ритм жизни «зут» определял свинг. Это было время расцвета традиционного джаза, исполняемого большими оркестрами. Такой джаз был признан в самых шикарных белых клубах. Как и музыка, так и образ «зут» стал одним из символов купли-продажи – перестав быть символом независимости, он стал лишь символом успеха.

2. Битники и хиппи. Битники (англ. Beatniks, или The Beats) – стереотип масс-медиа, использовавшийся в 1950–1960-х годах для обозначения представителей битничества. Употреблялся как производное от названия бит-поколения, охарактеризованного в статьях конца 1940-х годов Д. Керуаком.

Термин «битники» был предложен в 1958 г. журналистом «Сан-Франциско кроникл» Г. Каэном и базировался на сложившихся в американском обществе представлениях о типичном для середины XX в. социальном пласте молодежи, характеризовавшемся асоциальным поведением и неприятием традиционных культурных ценностей нации (рис. 7).

Рис. 7. Битники

Примечательно, что само слово «битник» было придумано, когда журналист позаимствовал русский суффикс «-ник» (-nik) из названия советского «Спутника-1», запущенного за полгода до этого (к слову, на сленге джазовых музыкантов 1940-х «beat» означало нищету и отчаяние) [35. Р. 13]. Битники – представители субкультуры среднего класса, которые оказывают более длительное влияние на жизнь своих членов, более четко определяют свои ценности и формируют альтернативные стили жизни и институты (совместное воспитание детей, свободные школы, эксперименты в экологии, медицине и т.д.).

Идеологически с субкультурой битников связано и движение хиппи, которое зародилось в 1960-х годах в США (штат Калифорния) и очень быстро распространилось по всему миру. Важнейшая особенность этих двух субкультур – наличие выраженной в словах идеологии.

Основные элементы мировоззрения хиппи:

- пацифизм (миролюбие и ненасилие) – один из главных аспектов идеологии хиппи, отсюда их аполитичность, игнорирование власти, так как именно правители разжигают войны и заставляют людей воевать;

- саморазвитие и индивидуализм как реакция на обезличенность массового общества;

- отход от формальных социальных институтов, неудовлетворенность ими и, как следствие, аскетизм;

- поиск глубокого духовного удовлетворения в творческой работе, при выборе которой критерием является ее творческий характер, а не оплата;

- сознательное упрощение, т.е. сознательно переходят от обеспеченности к нищете;

- девиантность, связанная с бунтарским характером субкультуры. Хиппи протестуют против упорядоченности, стандартизации жизни, по их мнению, жить нужно только сегодняшним днем.

Среди наиболее ярких особенностей субкультуры хиппи – употребление наркотиков, сексуальные эксперименты, коммуны, фестивали, путешествия (они обожают путешествовать как по стране, так и за рубежом, обычно автостопом).

Совместное проживание (коммуны) – отличительная черта хиппи; в других субкультурах такая форма поведения не встречается.

3. Скинхеды (бритоголовые). Самые первые скинхеды появились осенью 1968 г. в Великобритании. Это суровые парни, ненавидящие расслабленных наркоманов-хиппи и молодых буржуйских

мажоров. В 1969 г. в Лондоне произошла драка между морскими пехотинцами и скинхедами (рис. 8).

Рис. 8. Скинхеды (плакат)

Первый бой для бритоголовых закончился поражением. После этого скины заузили брюки, обрезали воротники, сняли значки, а ноги обули в строительные тяжелые ботинки. Так установился стиль одежды скинхеда. В этой одежде все строго функционально, приспособлено для уличной драки: плотные черные джинсы, прочные, дешевые, на которых плохо видны кровь и грязь, шнурованные тяжелые армейские башмаки на толстой подошве – оружие в драке и удобные для бега, короткие куртки – «бомберы» без воротника, для того чтобы противнику не за что было ухватиться, стриженная или бритая под ноль голова, чтобы враг не мог схватить за волосы. В ботинках вместо чёрных шнурков появились белые – символ того, что скины сражаются за белую расу.

За три с лишним десятилетия культура скинхэдов распространилась по всей Северной Америке, Европе и другим континентам. Одним из главных течений скинхэдов стали нацисты или «White

Power» – в переводе с английского «белая сила». Многие скинхеды-нацисты не имеют отношения к оригинальной субкультуре, возникшей в 1960-е гг. из соображений стиля и интересов. Оригинальной музыкой для этого направления считается рэгги и ска, причем у них даже существует свое особое направление этой музыки. В конце 80-х в музыкальные пристрастия был принят рок: от глэм-рока до панк-рока. Представители вайт-пауэр даже создали свою отдельную музыкальную культуру «Рок против коммунизма». Скинхедов относят к социально опасным субкультурам, и сегодня это явление характерно практически для каждой страны. Своеобразной разновидностью скинхедов по идеологии выступают футбольные фанаты.

4. Хип-хоп, брейк-данс и граффити. «Уличная культура», получившая широкое распространение с середины 1970-х годов в США, а затем во многих странах мира как одна из субкультурных форм освоения молодежью социальной субъектности через создание, освоение, распространение, развитие четырех основных направлений: брейк-данс, хип-хоп, граффити и ди-джеинг (рис. 9). В составе элементов хип-хоп культуры рассматриваются также стритбол (уличный футбол), роллинг (определенная техника катания на роликах) и др.

Рис. 9. Фрагмент граффити в Гонконге

Хип-хоп культура – сложное культурное образование. Поскольку ее особенности связаны с действиями на открытых территориях, в парках, на спортивных площадках, она стала своего рода альтернативой молодежным бандам преступного характера. «Сражения» между ди-джеями, соревнования между мастерами брейк-данса и рэпа, по данным исследований, привели к ощутимым положительным последствиям: снизилась общая агрессивность разборок между уличными бандами, отрицательная энергия противостояния реализовалась в другой форме. Хип-хоп заметно оздоровил обстановку в криминальных, неблагополучных кварталах крупных городов Америки и Европы, других регионов мира.

Брейк-данс возник в конце 1950-х годов в Нью-Йорке как явление молодежной «культуры улиц» в кварталах иммигрантов. По данным исследователей хип-хоп культуры, в конце 1960-х годов брейк-данс существовал еще в виде двух самостоятельных танцев: 1) лос-анджелесской пантомимы («верхний брейк», boogie), шедшей от негритянской традиции, и 2) нью-йоркского акробатического стиля («нижний брейк» латиноамериканского происхождения, собственно breaking).

Граффити (с итальянского *graffito* – «нацарапанный») – вид художественного искусства, настенная символическая живопись, придание текстовой информации определенной образной формы. Это своеобразное направление артдизайна, получившее распространение в молодежной среде и ставшее фактом контркультуры, переросшей в устойчивую социально-художественную практику.

История граффити начинается в середине 1960-х годов в Филадельфии (США), где впервые зафиксирован «бомбинг» (to bomb – «бомбить») – практика писания на стенах общественных зданий своих имен как художественно оформленных текстов.

5. Хитч-хайкеры и бэкпэжеры. Несмотря на то, что в современном мире субкультуру хиппи нельзя назвать выродившейся, за 40 лет она претерпела определенные изменения. Одно из наиболее ярких нашло выражение в еще двух глобализовавшихся субкультурах – хитч-хайкеры и бэкпэжеры, в основе которых – все тот же «дух свободы» и «упрощение во всем».

Для выработки путей приобщения молодежи среднего класса к новым глобальным ценностям битники, хиппи еще в 1960–1970-е гг. создают свою «мифологию» путешествий, главным символом которой является образ «дороги». В новом глобальном контексте этот образ не исчез, а, наоборот, наполнился новым содержанием, в том числе в виртуальном мире.

Хитч-хайкер – человек, который путешествует по миру бесплатно, останавливая попутные автомашины. В обычном разговорном сленге таких людей называют «автостопщик». Эти люди появились довольно недавно. В основном это молодой и любознательный контингент, который не может себе позволить финансово вложиться в покупку билета на организованные путешествия и туры. У хитч-хайкера при путешествии с собой небольшой запас продуктов, имеется не всегда четкая цель путешествия. В последнее время данное занятие приобретает все большую популярность, так как позволяет увидеть мир и сэкономить довольно приличную сумму денег. Разумеется, с целью сэкономить и познакомиться с себе подобными представители этого вида деятельности объединяются в группы, путешествуя вместе.

Бэкпэкеры (рюкзачники) – субкультура, в общих чертах схожая с хитч-хайкерами (рис. 10). Бэкпэкинг (англ. backpacking, backpack – «рюкзак») – распространённый в последние десятилетия термин, обозначающий путешествия, совершаемые туристом за небольшие деньги, который принципиально отказывался от услуг туроператоров. Одна из важнейших составляющих экипировки бэкпэкера – рюкзак.

Свои путешествия бэкпэкер планирует и осуществляет самостоятельно: перемещается на всех видах общественного транспорта (автобусы, поезда, самолеты). Использует все возможности, предоставляемые авиаперевозчиками: распродажи и специальные акции, бонусные мили, авиакомпании-лоукостеры и т.д. В пути бэкпэкер ночует не только в гостиницах, но и в хостелах, кемпингах, гестхаусах, а также в домах местных жителей. Питается обычно там же, где и местные жители, – в простых столовых и недорогих ресторанах, а также у самих местных жителей.

Основатель и идейный вдохновитель класса бэкпэкеров в России – известный путешественник В.А. Шанин, активно продвигавший

Рис. 10. Изображение бэкпэкера на стене гест-хауса, Куала-Лумпур (Малайзия)

в своих книгах и статьях этот термин. Ряд других путешественников (А.В. Кротов, В.И. Лысенко), используя методы бэкпэкинга, никогда себя таковыми не называли.

В Интернете существуют социальные сети бэкпэкеров и самостоятельных туристов, такие, как Hospitality Club, CouchSurfing, Airbnb.ru и др., члены которых предоставляют друг другу помощь и ночлег во время путешествий.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основе любой субкультуры на Западе лежит утопия – представление о возможностях некой группы людей объединиться и совместными усилиями перевернуть окружающий мир. Вопрос только в масштабах сознания, а его в рамках практически любой молодежной субкультуры пытались расширять различными способами.

Важно отметить, что определяющим фактором в формировании любых субкультур являлись создание и поиск образа «другого», что наблюдается еще в архаичных обществах, где потребность в «извращенной» культуре объяснялась необходимостью поддержания устойчивости социальной системы. Таким образом, ось «мы – они» на протяжении истории претерпевала различные трансформации. Когда-то обращение к «черной» культуре сыграло важную роль в формировании таких субкультур, как «разбитое поколение», моды, скинхеды и др. В поисках альтернативы современному обществу многие молодежные субкультуры обращаются к культурному опыту тех народов, которые принято считать «примитивными» – индейские народы Америки, полинезийцы.

Контрольные вопросы

1. В какой период возникают предпосылки появления первых молодежных субкультур?
2. Перечислите существенные черты молодежных субкультур.
3. Какие из западных субкультур оказали наиболее сильное влияние на современное общество?
4. С чем можно связать контркультурный аспект молодежных субкультур Запада?
5. Что примечательного в этимологии слова «битник»?

Тема 4. МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Молодежные субкультуры для России – явление молодое. В традиционном обществе их не было, поскольку не было «молодежи» в нашем понимании. Точно так же, как на Западе, в России тема «молодежной культуры» появилась как результат индустриализации общества. Поэтому говорить о каком-то дореволюционном понятии молодежи бессмысленно.

Ребенок – отрок или девица – сразу вырастал во взрослого человека со всеми его обязанностями и особенностями поведения. Обычно это было связано с браком, срок которого на Руси, как и в иных традиционных обществах, наступал с половым созреванием. Женщина чуть старше 30 лет часто уже была бабушкой и нянчилась с внуками, а ее муж (или свекор) распоряжался большой семьей, состоявшей из нескольких поколений родственников. Юноша 15 лет верстался на воинскую службу – так заканчивалось детство. Более того, не было нужды в какой-то нарочито выдуманной «государственной идеологии» или «национальной идее»: чувство ответственности прививалось с пеленок, а оно почти всегда гарантировало от непатриотического или эгоистического поведения.

Освобожденные в 1762 г. от обязательной службы дворяне, быстро проникшиеся чувством собственной исключительности, субкультуры, тем не менее, не образовали. Сословный строй в России вообще исключал субкультуры: он был построен на соподчинении всех групп населения. Кроме того, субкультура – явление преимущественно городское, а Россия в целом оставалась обществом аграрным. В начале XIX в. молодое дворянство восприняло английский дендизм, однако субкультурой это вряд ли

назовешь: молодых денди в столицах были единицы. П.Я. Чаадаев, ставший воплощением этого явления, был личностью исключительной и самодостаточной. Герой пушкинского романа Евгений Онегин был лишь «как денди лондонский, одет». Налицо всегонавсего имитация западного образца.

Этнографы описали обычаи деревенской молодежи, но накануне революции нельзя было говорить о некоей бунтующей молодежи или серьезном конфликте между «отцами и детьми». В деревнях молодежь интегрировалась в жизнедеятельность общины почти с детства, и даже якобы самостоятельные молодежные формирования (посиделки и хороводы) отражали производственные образы деревни. Их действия не были субкультурными или подрывающими, а, наоборот, даже способствовали социально-культурному воспроизводству общины.

В России первой «молодежной субкультурой», пожалуй, можно было бы назвать студенческое сообщество. Окончательное его оформление произошло во второй половине XIX века. Оно не было узкословным, власть не способна была регулировать его жизнь законодательно, ценности студенчества имели неформальный характер. Необходимо было отличаться от всего вокруг – «серого и унылого», и приобретенные научные знания подсказывали: выход кроется в новой социальной реальности, в царстве тотальной справедливости. Радикальные мировоззренческие особенности сочетались с отличиями наружными. Настоящий студент и в безмундирную эпоху был заметен по внешним признакам – подчеркнутому и намеренно вызывающему пренебрежению к внешнему виду. Введенный в 1880-е годы студенческий мундир ничего не изменил: верхние пуговицы застегнуты не были, фуражка всегда носилась набекрень, из-под нее вылезал нечесаный вихор. Настоящие адепты студенческой субкультуры превращались в «вечных студентов», их возраст переставал иметь значение.

Простой народ студентов не любил и относился к ним с подозрительностью. В 1878 году студенты Московского университета за революционную пропаганду были побиты торговцами мясных рядов (субкультура всегда рискует быть непонятой извне). Студенческая субкультура распалась в начале XX века, поскольку ее ценности широко распространились в обществе. Студент на этом фоне потерял свою яркость и неповторимость. А мечта о социальной справедливости стала активно воплощаться в жизнь, вот только мало кто из мечтателей не утонул в сопровождавших это воплощение кровавых потоках.

История развития молодежных субкультур в России, таким образом, начинается с начала XX века и тесно связана с революцией, а затем – с советским строем. Поэтому понятия, которые были самыми важными в истории социологии молодежи на Западе: молодежь как социальная проблема, девиантное поведение, молодежь и потребительство – не занимают такого важного места в истории социологии молодежи в России. По сравнению с Западом, где медицинская и психологическая науки были очень важны в развитии социологии молодежи, в Советском Союзе самым значимым моментом в ее развитии был вопрос об идеологии [13]. Следует рассмотреть несколько этапов развития субкультур в России, в контексте взаимоотношений молодежи с властью.

1. Молодежь как строители коммунизма (1920–1950 гг.)

Историки на Западе рассматривали подходы первых советских лидеров к молодежи как чисто эксплуатирующие или потребительские, в последние годы это мнение стало модным и среди российских ученых. С первого же прочтения ясно, почему многие считают, что история молодежи в СССР является историей государственного контроля и управления молодежью (и через идеологию, и через насилие) в целях упрочения советской власти.

С другой стороны, большевики видели в молодости опасность так называемого «юношеского максимализма». Это выразилось в предупреждении, что молодежь может поступать скорее эмоционально, чем разумно, и что она чрезвычайно склонна к легкомыслию. Большевики старались руководить и спонтанно возникавшими, и самостоятельно существующими молодежными формированиями, в том числе беспризорниками и хулиганами. Интересно отметить, что во французском толковом словаре Le Grand Robert утверждается, что во французский язык слово *Hooligan*, вероятно, пришло в середине 1920-х из английского через русский язык, где оно согласно словарю означало «молодой оппозиционер советскому режиму» [22].

Фактическое участие молодежи в процессе строительства коммунизма в СССР реализовывалось через комсомол. Мемуары многих комсомольцев первого поколения дают нам понять, что сначала эта организация была невероятно привлекательной для молодежи. Одни шли (поступали) в комсомол по чисто идеологическим убеждениям потому, что действительно хотели непосредственно участвовать в борьбе за «светлое будущее». Для других комсомол открывал новые горизонты: работу и возможность для

продвижения по службе, участие в общественной деятельности (рис. 11). Чем более тяжелой была борьба за новую жизнь, тем больше молодежь тянулась к комсомолу. Миллионы молодых людей добровольно уехали на грандиозные стройки сталинских времен, веря в то, что они действительно построят новое социалистическое общество.

Рис. 11. Комсомольские плакаты (советский период)

В 1920-е гг. после Первой мировой войны и гражданской, голода в деревнях и полного разрушения экономики все общество находилось на грани развала. Население перемещалось из одной части страны в другую, люди искали, где им легче выжить: из деревни бежали в города, потом назад в деревни, затем обратно. Оценивая все это, становится совершенно понятно, почему молодые ребята уезжали на стройки первой пятилетки с таким энтузиазмом: все программы и кампании привели к наведению некоего порядка – люди знали, куда и почему они едут, а государство «получило» видимость некоторой определенности.

Официальное заявление о полном построении социалистического общества в 1936 г. олицетворяло собой приход новой культурной эры. В соответствии с культурной моделью социалистической молодежи это означало, что парадигма «молодежь как строитель коммунизма» больше не может сосуществовать с молодежью, которая была жертвой бывшей системы (как это было сделано в случае с беспризорниками). Корни существующих социальных проблем, таким образом, следовало искать в девиантных

отклонениях нового общества, любые недостатки (и несовершенства) в социальных отношениях больше нельзя было отнести к «жертвам прошлого», каждый «социалистический» человек должен был с этого момента нести полную ответственность за свои личные действия. Одним из последствий этого явилось то, что все чаще и чаще родители признавались виновными в безнадзорности, а дети, которые нарушали закон на улице, наказывались как подростковые нарушители. В начале 1930-х вместе с беспризорниками с улиц в тюрьмы и лагеря были сметены многие другие «элементы» криминального мира, что стимулировало создание тюремно-лагерной культуры (блатная культура). Влияние этой «культуры» на молодежную сферу и сегодня остается столь же сильной, как и накануне войны.

Декларация о построении социализма также имела серьезные последствия для переосмысления роли комсомола. Его первоначальная задача – защита молодых рабочих и крестьян от эксплуатации – не имела больше смысла в наполовину коммунистическом обществе, государство которого оставалось органом пролетариата. На съезде 1936 г. было заявлено, что комсомол должен был стать одним из массовых организаторов, чья главная задача – внушение молодежи чувства самоотверженности по отношению к социалистическому государству.

Эта лояльность сыграла государству на руку и в годы Великой Отечественной войны, когда миллионы комсомольцев были отправлены на фронт. Нападение Германии в июне 1941 г. повернуло главный фокус кампании против врагов родины на опасность извне. В очередной раз комсомол начал мобилизационную кампанию. Больше 10 миллионов комсомольцев приняли участие в войне и более 3 тысяч подпольных комсомольских организаций принимали активное участие в партизанском движении на оккупированной территории [33]. Однако, понятное дело, о развитии молодежной политики в СССР в этот период речи не шло.

2. Молодежь как жертвы западного влияния (1950–1960)

С 1950-е гг. молодежь не только считалась «строителем коммунизма, светлого будущего», но она уже могла демонстрировать и девиантные тенденции. После Великой Отечественной войны власти страны стали уделять все больше внимания именно этому представлению о молодежи, и уже в 1950-х гг. можно было говорить, что и в научной, и в идеологической, и в популярной литературе молодежь начала пониматься как жертва тлетворного

влияния западного общества. Первым проявлением этого дискурса была идеологическая борьба против джаза, которую вел в основном член Политбюро ЦК ВКП(б) А. Жданов.

С конца 1946 г. им проводилась антиджазовая кампания, в ходе которой были арестованы тысячи музыкантов, а джаз был назван «инструментом американского империализма». Эта линия сверху сопровождалась растущим интересом к западной музыке и стилю среди культурной интеллигенции и урбанистической молодежи, которая поколенчески окрепла еще до начала «культурной оттепели» Н. Хрущева. Советская молодежь больше не рассматривалась как жертва буржуазных норм, которые достались от прошлой жизни, а как жертва современного западного влияния. Именно этим объясняется нападение на джаз и западные танцы как источник массового развращения молодежи. В этой практике они следовали высказыванию М. Горького, который приравнял джаз к «гомосексуальности, наркотикам и буржуазному эротизму». Комсомол начал активную кампанию избавления от дьявольского влияния общественных танцевальных площадок. Наиболее ярким примером можно назвать отношение к так называемым «стилягам» (рис. 12).

Рис. 12. Статья, «разоблачающая» стилиг

Следует дать краткую характеристику «стилягам» – эпатажной городской молодежи, которая одевалась и танцевала «стильно», за что и получили достаточно вольное определение. Основное обвинение, которое предъявлялось им, – «преклонение перед Западом». Музыкальные пристрастия «стиляг» – джаз, а затем рок-н-ролл.

Почему стилиаги стали объектом такой ненависти со стороны государства, когда в советском обществе наблюдалась в целом «оттепель»? Во-первых, потому что стилиаги представляли собой совсем новое явление – эта была первая молодежная субкультура, которая появилась (как везде в мире) вследствие урбанизации, роста образования и благополучия общества. Во-вторых, потому что после войны в результате хрущевской оттепели стало больше контактов с Западом, поэтому появились возможности получать информацию о последних стилях в музыке на Западе. В-третьих, стилиаги в принципе были «элитой» общества (как сегодня «мажоры») и ассоциировались с так называемой «золотой молодежью». Это, конечно же, раздражало Генерального Секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева, который был принципиально против всех форм привилегий.

Стилиаги были серьезным вызовом советской идеологии, но не потому, что были властны или многочисленны, а потому что были первой манифестацией нового феномена, к появлению которого страна была идеологически не подготовлена. Стилиаги были очень сильно пространственно ограничены. Как правило, они придерживались центральных, больших и хорошо развитых урбанистических районов мегаполисов. В своем стремлении «выделиться» они озаменовали начало новой эры культурных стратегий урбанистической молодежи. Их появление совпало с новой волной урбанизации после войны и со снижением рабочего дня с 8 до 6 часов для 16–18-летних в июле 1956 года.

Несмотря на ограничения Хрущевской оттепели, это был период открытости, который помог развитию культурных стратегий западного направления. Урбанистическая утонченность (изощренность, искусственность), с которой ассоциировались стилиаги, стала частью вызова против элитности и неравенства, характерных для хрущевского периода. В 1957 г., например, были введены новые правила получения высшего образования, дающие приоритет тем, кто уже проработал на производстве 2 года.

Кроме того, макрополитическая обстановка холодной войны крепко соединила в ассоциации девиантные молодежные стили и стремление Запада к ниспровержению СССР. Молодежь стала рассматриваться как основная мишень (цель) холодной войны, чьи бойцы сражаются не за территорию Центральной Европы, а за воздушные линии, ее пересекающие. Антисоветская сущность музыки, которую слушала молодежь, рассматривалась как интегральная часть этой войны. Против стилиаг проводилась массивная

кампания. Были организованы комсомольские бригады для проведения идеологической борьбы против них. Пресса высмеивала этих молодых людей, называя их дешевыми спекулянтами, которые окружают иностранные отели, ловят иностранцев и продают им Советского Союза за жвачку.

Таким образом, только в начале 1950-х, особенно вокруг стиляг, понятие «молодежь-как-жертва-западного-влияния» стало полноправной парадигмой, через которую начали рассматриваться молодежные проблемы. Одновременно комсомол развивался, увеличивался и продолжал свою работу как лидер юных строителей коммунизма. Молодежь во все больших и больших количествах уходила на комсомольские стройки. В этот период комсомол получил и новую задачу от партии – идеологическое воспитание молодежи. К концу 1960-х гг. больше 18 миллионов молодых людей были комсомольцами, эта организация перестала быть союзом молодежи и даже союзом для молодежи [33].

3. Молодежь как объект изучения советских социологов (1970–1980)

Развитие социологии в СССР в 1970-е гг. позволило относиться к молодежи как к социально-демографической группе со своими определенными нуждами и проблемами, должно было поднять уровень понимания молодежи и ее культуры. Однако в этот период времени социология молодежи имела очень слабую базу, что было обусловлено рядом причин.

Прежде всего, новые понятия, идеи и методы, развитые и использовавшиеся в 1960-х гг., когда социология начала развиваться в СССР, в следующей декаде уже считались идеологически неправильными, продвинутых социологов убирали с важных постов в академических институтах. На смену им пришли ученые, готовые выполнять так называемый социальный заказ, т.е. писать и изучать те темы, которые стимулировали «закономерное развитие социалистического общества». Как раз при Л. Брежнев от социологов требовалось доказательство морального превосходства советского общества, поэтому социологи занимались в основном вопросами, которые доказывали, что советская молодежь была, прежде всего, морально устойчива и прокоммунистически настроена [13].

Таким образом, решающими моментами в истории социологии молодежи в Советском Союзе в этот период продолжают оставаться идеология и политика. Но это не означает, что обсуждение

молодежной темы было закрыто в СССР именно по сравнению с Западом, где якобы «открыто» и «объективно» обо всем говорили. На Западе позиции многих социологов также основывались на личных политических убеждениях.

Именно в этот период (кон. 1970-х – нач. 1980-х гг.) большинство молодежных объединений начинали приобретать черты «классического неформалитета»: аполитичность, интернационализм, ориентированность на внутренние проблемы. В молодежную среду проникали наркотики. Движение семидесятников было глубже, шире и продолжительней по времени. Именно в 1970-е гг. возникает так называемая «Система» – советская хипповская субкультура, представлявшая собой целый конгломерат группировок. «Система», обновляясь через каждые два-три года, вбирала в себя и панков, и металлистов, и даже криминогенных люберов.

Появившись в СССР в 1960-е гг., хиппи были первой значительной молодежной культурой после стиляг. Потом они становятся ядром многих течений, особенно благодаря их молодежному сленгу, который они в принципе сами создали. К концу 1960-х гг. хиппи стали более политизированными (Пражская весна, стычки в Западной Европе), поэтому в СССР начиная с 1972 г. они пострадали от усиленного преследования диссидентов, собираясь после этого практически только подпольно. Самая большая волна хиппи появилась в конце 1970-х гг., многие из хиппи первой волны «хипуют» до сих пор, хотя существование множества самых разных течений сделали их сегодня малозаметными.

Наряду с хиппи в СССР начинает проникать неформальная молодежная субкультура панков, возникшая в середине 1970-х годов в Великобритании, США, Канаде и Австралии. В основе панк-идеологии – индивидуальная свобода: человек должен сам выбирать, как ему жить, и никто – ни государство, ни семья, ни друзья – не должны навязывать ему свои ценности. Независимость от мейнстрима и шоу-бизнеса – тоже одна из главных идеологических фишек, иногда переходящая разумные пределы – когда, например, группу, ставшую популярной, обвиняли в продажности. В политическом отношении панку близки левые и анархистские идеи, и панки часто принимали участие в политических протестах. Среди обязательных и необязательных элементов панковской идеологии – антирасизм, антисексизм, антинационализм, антигомофобия, вегетарианство, веганизм, борьба за права животных [4].

4. Политизация молодежи как объект «гласности» и перестройки (1980-е гг.)

В первые годы перестройки в области социологии молодежи были две неотъемлемые политики – «ускорения» и «гласности». В течение 1985–1986 гг. прежние понятия молодежи как «строителей коммунизма» и «объектов буржуазной (западной) пропаганды» сохранились практически не тронутыми. Молодежь как самая образованная часть населения играла особую роль в освоении новой техники и нового знания – в компьютеризации.

Чаще стала подниматься и другая проблема – молодежного досуга. На страницах молодежных газет и журналов начали обсуждаться проблемы недостатка молодежных кафе, молодежных клубов и кружков, предлагались новые программы комсомола (горкомов и обкомов), направленные на решение этой проблемы.

Но самым интересным в обсуждении проблемы молодежного досуга было практически полное отсутствие голоса или мнения самой молодежи. Кроме этого, якобы открытое обсуждение проблемы (в стиле «гласности») происходило без попыток как-то выйти за пределы понятия молодежи как объекта дурного западного влияния. Образ жизни западной молодежи понимался не только как культурно чуждый, но и политически вредный. Западную рок-музыку подвергали особо жесткой критике. Одни авторы видели в ней общую попытку Запада разрушить советскую власть способом постепенного «оглушения» молодежи через музыку (рис. 13).

Рис. 13. Карикатура из газеты «Комсомольская правда» в 1980-е гг.

Комсомол «почувствовал», что за последние годы молодежь все больше и больше отходила от организованных форм досуга, начала собираться и объединяться по своим признакам, отдельно от комсомола. В молодежной сфере это означало, что, несмотря на то, что в принципе существование неформальных молодежных объединений было допущено, к ним продолжали относиться как к результатам западного влияния, с которым нужно было бороться, направляя заблудившуюся молодежь на верный путь.

Тенденция развития молодежи и, в частности, неформальных объединений приобрела особое значение в эти годы. Во-первых, потому что обострение политической борьбы в стране стимулировало, в свою очередь, и борьбу за молодежь. Во-вторых, неформальные объединения сами по себе явились механизмом углубления и поддержания перестройки, одновременно представляя собой и самую большую угрозу для нее. Неформалы были, с одной стороны, признаком такого демократичного, плюралистического общества, которое М. Горбачев хотел создать. С другой стороны, демократичность и плюрализм постоянно ставили под сомнение роль КПСС как единой и единственной партии и роль перестройки как единственного, идеологически правильного пути дальнейшего развития советского общества.

Обсуждение молодежи в печати, научной и популярной литературе с 1987 по 1989 г. проводилось на «двух фронтах». Первым фронтом было раскрытие новых тем, якобы в духе перестройки. На страницах газет и журналов бесконечно появлялись статьи про металлистов, панков, рокеров, волнистов, про новые религиозные группы и т.д. Научно-исследовательский Центр ВКШ (Высшей комсомольской школы), а также Институт социологии РАН опубликовали много работ, в которых предпринимались попытки определить численность групп неформалов, описать формы их деятельности и структуры их объединения. Исследователи ВКШ показали, что уже 60% молодых людей так или иначе вписались в подобные неформальные объединения, что эти объединения количественно были небольшими (10–20 человек), примерно одна треть из них имела свои правила и своего лидера.

Хотя у каждого автора была своя классификация, в основном неформалы делились на три группы: 1) положительные (общественно-политические клубы и объединения, если, конечно, их политические идеи совпадали с теми, которые признавались КПСС); 2) нейтральные, иногда употреблялся термин – «эпатажные»

(волнисты, скейтбордисты, рокеры, металлисты, кришнаиты и иногда панки); 3) отрицательные – это группы, проявлявшие антиобщественные тенденции (фашисты, шовинисты, националистические и прокапиталистические группы, иногда панки, металлисты, рокеры). Вполне очевидна политическая основа классификации: «за перестройку» или «против перестройки» [12].

В годы демократизации комсомол подвергался критике, начались «чистки» кадров. Комсомол предпочел отказаться от статуса массовой организации, позволив молодежи свободно выходить из его рядов. Комсомол решил, что запрещать неформальные объединения уже бесполезно, наоборот, запрет имел бы обратный эффект и участие в них стало бы еще привлекательнее. Подход к нейтральным неформалам (рокерам, панкам, металлистам, скейтбордистам и т.д.) был основан на принципе перевоспитания и облегчения процессов социализации молодежи. Появление именно таких групп комсомол связывал с недостатками в работе всех институтов социализации, в том числе семьи, школы и самого комсомола. Таким образом, комсомол инициировал создание рок-лабораторий, клубов мотоциклистов, спортивных кружков, пытаясь привлечь в эти «новые молодежные места» молодежь с улицы. Особо смелые комсомольские активисты пытались войти в разные неформальные объединения (тусовки), чтобы изнутри направить их в нужное направление.

В 1980-е гг. существование неформальных групп было признано официально, тема «неформалитета» становится сенсацией. Эти объединения можно назвать и «альтернативными».

Основные субкультуры этого периода:

Металлисты – одна из самых больших «неформальных» субкультур 1980-гг.; любители музыки «хеви металл» разных видов. Их стиль одежды: кожаные или джинсовые куртки, украшенные молниями, шипами и пряжками. Они могут красить волосы или лицо для того, чтобы придать себе устрашающий вид. В середине 80-х гг. именно металлисты были самым распространенным течением, большинство тусующихся ребят (речь идет здесь только о мальчиках, но не о девушках) некоторое время были металлистами.

Движение металла можно разделить на две группы: более спокойное и радикальное. К радикальному движению относятся особо агрессивные группы и металлисты-сатанисты. К металлистам примыкают те группы подростков, которым нравятся костюм неформала и рок-музыка. Более опытные группы их серьезно не воспринимают, бывалые, старые металлисты, возраст которых старше 35–40 лет, составляют более спокойное течение.

Рис. 14. Классические металлисты

Классические металлисты носят черные узкие джинсы, заправленные в высокие ботинки, серьги в левом ухе, кожаные куртки с косой молнией, перстни с изображением черепов и других магических символов (рис. 14). Их внешняя мрачность и агрессивность чаще всего служат средством эпатажа окружающих людей.

Волнисты – общее слово для всех течений, которые следуют или определенной рок (поп)-группе, или новому движению (течению) в танцах, спорте, как, например, скейтбординг. Эти тусовки в основном состоят из подростков, поэтому их состав быстро меняется.

Алисоманы – неформальное подростково-молодежное движение, возникшее из фанатов рок-группы «Алиса». Группа «Алиса» появилась в 1983 году. В 1984 г. в «Алису» пришел Константин Панфилов (творческий псевдоним – «Кинчев»). К концу 80-х годов фанаты группы «Алиса» именовались «панфиловцами».

Кинкоманы – довольно редкий случай, когда оригинальная российская музыкальная фанская субкультура смогла сформировать собственное неформальное молодежное движение. В течение всего периода существования, субкультура кинкоманов ориентировала свою внешнюю атрибутику на копирование внешнего вида своего кумира – Виктора Цоя. Одежда черного цвета, возможно ношение косух, волосы черные – от длинных до средних. Распространено ношение рюкзаков и одежды с изображениями В. Цоя или надписями «Кино», «Цой» и т.п.

Новые стилиаги. В середине 1980-х гг. возрождение субкультуры стилиаг было связано с появлением двух ретро-групп «Браво» и «Бригада С». «Новые стилиаги» ходили в одежде 1950–1960-х гг., но на их понятие «стиляг» очень повлиял стиль одежды солистов из «Браво» и «Бригады С» – Жанны Агузаровой и Гарика Сукачева (рис. 15).

Хотя парни-стиляги могли стать фанатами «Депеш Мод» или панков, чаще всего они уходили в рокабили. Уход второго поколения стилиаг в рокабили начался весной 1989 г., и к лету того года среди стилиаг остались практически только девушки. Один из парней, который ушел из стилиаг, присоединившись к рокабилям, так сказал о причинах этого перехода:

«Они (рокабили) более агрессивны, но они – более крутые. В то время было всего лишь несколько стилиаг, кто мог ответить на агрессию, многие были пассивны, и мне это не нравилось» [33].

Рис. 16. Панки

В 1980-х годах у панков стала модной причёска «ирокез». Они наносили черепа и знаки на одежду и аксессуары. Носили напульсники и ошейники из кожи с шипами, заклёпками и цепями. Многие панки делали татуировки, а также носили рваные протёртые джинсы, которые сами специально резали (рис. 16).

Рис. 15. Новые стилиаги, гр. «Браво»

Панки. Представители этой субкультуры придерживаются различных политических взглядов, но в большинстве своём они являются приверженцами социально направленных идеологий и прогрессивизма. Для панков характерно стремление к личной свободе и независимости, принципы «не продаваться», «полагаться на самого себя». Эти люди отличаются пёстрым эпатажным имиджем: многие панки красят волосы в яркие неестественные цвета, начёсывают и фиксируют их лаком, гелем или пивом, чтобы они стояли торчком.

5. Молодежь как социальная проблема (1989–1995)

К 1992 г. традиционные понятия молодежи как строителей коммунизма и одновременно жертв западного влияния практически вышли из употребления. Вместо них стали появляться знакомые нам с Запада понятия молодежи как потребителей и молодежи как девиантов. Прежнее понятие советской молодежи как строителей коммунизма уже полностью исчезает из общего употребления. На XXI Съезде ВЛКСМ открыто высказались против ленинских слов о том, что «будущее принадлежит молодежи», утверждая, что будущего ей уже недостаточно, что ей нужно и настоящее. Нынешняя молодежь представлялась потерянной. Государство, не выполнив своих обязанностей, бросило молодых людей на периферии общества, где они стали маргиналами, не способными «вписаться» в нормальную жизнь.

Стало очевидно, что ВЛКСМ проиграл в борьбе за привлечение молодежи обратно в свои ряды. Если в начале перестройки (1985 г.) было 42 миллиона членов ВЛКСМ, то в 1990 г. остался только 31 миллион [13]. Вместе с этими организационными переменами на государственном уровне изменились представления о молодежи и на страницах печати, и в научной литературе. Молодежь все чаще появлялась в этих текстах не как субъект строительства нового общества, а как объект государственной политики, нуждающийся в помощи, не способный сам себе помочь. Внимание уделялось проблеме низких заработков молодежи, начавшемуся росту молодежной безработицы, проблеме жилья для молодых семей, проблеме дедовщины в армии.

Основными субкультурами периода конца 1980-х – начала 1990-х гг. можно считать следующие:

Гопники, или российские скинхеды – это общее слово для окраины молодежной культуры, которая больше всего распространена в провинциальных городах, в пригородах, окраинах больших городов и республиканских столиц. В самом деле российские скинхеды, возникшие как оформленное движение в начале 1990-х годов XX века (всплеск численности скинхедов относят к периоду после событий сентября-октября 1993 г.), хоть по форме и близки к западным аналогам, но порождены прежде всего внутренними проблемами страны.

В 1990 г. разновидностью гопников были широкоштанники. Они обычно ассоциировались с поволжскими городами, относились враждебно к молодым людям из столичных и престижных городов и ездили туда на «гастроли», чтобы «разбираться», осо-

бенно с молодыми модно и по-западному одетыми людьми. Сами они сознательно ходили в стиле провинциалов – мальчики в широких штанах, девочки в длинных юбках. В середине 1990-х годов появляется новое поколение «гопников», не контролируемое организованной преступностью или контролируемое в меньшей степени. Они быстро проявили себя как «культурные враги» большинства молодежных субкультур.

Начиная с 1991–1993 гг. проблема криминальных молодежных группировок в российских городах становится менее острой, что объясняется как усилиями общественности и МВД (точнее – ОМОНа), так и тем обстоятельством, что деятельность этих группировок стала смещаться в сферу контроля над бизнесом и самого бизнеса.

Качки (люберы) – это молодые люди, настроенные практически так же, как и широкоштанники, но больше всего любящие «качаться» (речь идет о подобию бодибилдинга), раньше это могло происходить в самодельных спортивных залах, расположенных в подвалах. Самые известные качки в начале 1990-х гг. – люберы.

Рокеры – самая «крутая» тусовка в Москве в начале 1990-х гг. Это любители рок-музыки и мотоциклов. Больше всего им нравится собираться ночью и кататься по городу. Их стиль, распространившийся сейчас практически везде, – это кожаная куртка, кожаные брюки, бандана и специфические сапоги (казаки). Поскольку стиль рокеров уже становится распространенным, самые крутые рокеры, которым часто уже 25 лет и старше, стали собирать свои банды или группировки в стиле американских байкерских группировок.

Сатанисты. Еще в конце 1980-х годов от субкультуры металлистов отделилась группа «черных металлистов», сблизившаяся с приверженцами Церкви сатаны. В середине 1990-х годов в России формируется сатанинская субкультура. Под понятие «сатанисты» подпадает несколько самостоятельных течений. Вот примерная их классификация: антихристиане (они же Дьяволопоклонники); ортодоксальные сатанисты (базируются на Библии); сатанисты философы, или Церковь сатаны; религиозные сатанисты, или храм Сета (храм Зла).

6. Субкультуры современной России

Несмотря на прошедшее десятилетие, нельзя сказать, что субкультуры 2000-х гг. в России сильно отличаются от 1990-х гг. Это обусловлено тем, что молодежные субкультуры в России несут на

себе воздействие криминализации общества, западной культурной экспансии, тяги к преодолению рутины повседневности, «родимых пятен» советской эпохи. Эти воздействия переплетаются, в разной мере присущи тем или иным субкультурным феноменам. Главное же состоит в том, что субкультурная специфика не свойственна молодому поколению россиян как таковому, это мозаика социокультурных образований, фрагментарно рассеянная в молодежной среде.

Некоторые из молодежных субкультур могут создавать платформу для развития негативных тенденций в молодежной среде (проблемы наркотизма, насилия и т.д.), другие скорее имеют позитивное общественное значение (экология и т.д.). Во всех случаях важно, что через субкультурные формы для определенной части молодежи лежит путь к освоению социальности.

Наиболее яркими субкультурами, появившимися в России в начале XXI в. можно считать:

Эмо – молодежная субкультура, образовавшаяся на базе поклонников одноимённого музыкального стиля. Как и большинство современных субкультур, эмо берет начало в США в середине 80-х годов. Выражение эмоций – главное правило для тех, кто относит себя к субкультуре эмо. Их отличает: самовыражение, противостояние несправедливости, особенное, чувственное мироощущение. Зачастую эмо – ранимый и депрессивный человек. Он выделяется из толпы ярким внешним видом, ищет единомышленников и мечтает о счастливой любви. Эмо характеризует основанный на эстетике прекрасного принципиально инфантильный взгляд на мир, интровертность, акцент на внутренних переживаниях.

Традиционной причёской эмо считается косая, рваная чёлка до кончика носа, закрывающая один глаз, а сзади короткие волосы, торчащие в разные стороны. Предпочтение отдаётся жёстким прямым чёрным волосам. Часто эмо прокалывают уши или делают тоннели. Помимо того, на лице эмо может быть пирсинг (например, в губах и левой ноздре, бровях, переносице). Глаза густо подводят карандашом или тушью, благодаря чему они выглядят ярким пятном на лице. Ногти покрывают чёрным лаком.

Эмо носят одежду в розово-чёрных тонах с двцветными узорами и стилизованными значками. Основными цветами в одежде являются чёрный и розовый (пурпурный), хотя и другие шокирующе яркие сочетания считаются допустимыми. Наиболее типичная для них одежда – это узкие джинсы, кеды с яркими или

чёрными шнурками, чёрный или розовый ремень, клетчатая ко-сынка-арафатка на шее.

Рис. 17. Готы

Готы – представители молодёжной субкультуры, зародившейся в конце 70-х годов XX в. на волне пост-панка. Готическая субкультура весьма разнообразна и неоднородна, однако для нее в той или иной степени характерны следующие черты: мрачный имидж, интерес к мистицизму и эзотерике, любовь к готической музыке (рис. 17). Изначально готами называли поклонников готической музыки, но позднее субкультура распространилась и на литературу, кино, живопись. Все же главную роль в данной

субкультуре играет своеобразное мировоззрение, особое восприятие окружающего мира, смерти как фетиш, что может считаться одним из признаков принадлежности к готам. Но не стоит забывать, что готика появилась благодаря музыке и по сей день является главным объединяющим фактором для всех готов.

Гламур – одна из самых спорных субкультур XXI в. Дело в том, что именно в субкультуру это течение оформилось совершенно недавно, хотя до того присутствовало во всем, что связано с клубной и светской жизнью. Энциклопедии до сих пор не дают определения этому слову как культурному течению, хотя оно уже повсюду активизировалось с началом нового тысячелетия. Приставку «глэм» получили практически все музыкальные направления: глэм-готик, глэм-гараж, глэм-рок и даже глэм-панк. В мировой культуре, например в Великобритании, возникновение гламурной субкультуры датируется еще семидесятыми-восемидесятыми годами, но ввиду некоторых обстоятельств продолжительное время оно находилось в подполье.

Итак, такие отрасли субкультуры в России представлены:

- 1) уличные группы в городах, основанные обычно на группах земляков из деревень;
- 2) дворовые компании и беспризорники (в 1920–1930-е гг.);
- 3) стилиаги, битники и штатники (1950–1970-е гг.);
- 4) хиппи, металлисты, гопники (1980–1990 гг.) (рис. 18);
- 5) эмо, готы, панки (2000 г.).

Таким образом, молодежная культура в России не началась с перестройки и не является неким чистым подражанием Западу, а, наоборот, имеет свои корни и традиции в России. Тем не менее, расцвет молодежных культур начался в начале 1980-х гг., и уже к концу этого десятилетия появились десятки разных стилей и течений, которые можно было уже называть молодежными культурами, и тысячи молодежных компаний, которые вписывались в подобные течения.

Рис. 18. Русские хиппи на острове Ольхон

При этом возникновение молодежных субкультур в СССР (а впоследствии и России) связано с рядом особенностей:

1. Кризис российского общества.
2. Кризис отечественной культуры.
3. Разрушение основ социокультурных институтов, отвечающих за развитие культуры.
4. Доминирование технического образования над гуманитарным.
5. Либерализация прав и свобод российских граждан.

Социокультурные отличия между обсуждением темы молодежи на Западе и в Советском Союзе:

1. Отсутствие в России капиталистических производственных отношений, которые на Западе делали из молодежи (и из женщин) рабочих второго сорта, формируя молодежную культуру, зависимую от потребления новых товаров.

2. Совпадение самого значительного этапа урбанизации с появлением комсомола как единого идеологического, дисциплинированного и целенаправленного молодежного движения. В результате этого совпадения процессы урбанизации всегда обсуждались как явление исключительно прогрессивное и хорошее. Притом комсомол играл очень серьезную роль в саморегуляции молодежной деятельности, поэтому моральная паника по поводу молодежи, слоняющейся по улицам новых городов, не получила такого развития, как на Западе.

3. Обсуждение молодежных тем и культуры было более организованным, поскольку комсомол играл ключевую роль и в других областях, например, в молодежной печати, науке, органах социального контроля и т.д., которые на Западе были относительно независимыми от политического давления [13].

Анализ ряда субкультурных феноменов в современной России приводит к пониманию того, что в российской социальной практике укоренились те стороны общинного взаимодействия молодежи, которые в советское время реализовывались в деятельности комсомола. Утеря этого института социализации по соображениям политического характера не была восполнена на уровне обыденности, что вызывает определенную неудовлетворенность и поиск новых форм коллективности.

Контрольные вопросы

1. Почему бессмысленно говорить о дореволюционном понятии молодежи в России?

2. Что в России принято считать первой «молодежной субкультурой»?

3. Какой вопрос был наиболее значимым в изучении молодежи в СССР?

4. Почему в 1950-е гг. государство негативно относилось к стилям?

5. Какие субкультуры характерны для СССР в 1980-е гг.?

Тема 5. ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

«Молодежь как проблема» – довольно часто встречающееся клише не только на теоретическом, но и на обыденном уровне. Тем самым закрепляется отношение к молодежи как к чему-то единому и одинаковому, а также как к проблемному явлению. Связь таких аспектов, как молодежная субкультура и молодежная агрессивность, очевидна.

Одна из основных проблем для социологов заключается в том, что большинство ученых пытаются не объяснить, а оправдать молодежную преступность. «Уход в природу» в данном контексте чреват тем, что социологи настолько проникаются проблемами молодых преступников, что подчас принимают их сторону. Из их анализа ускользает тот факт, что помимо деликвентов существует и другая, не деликвентная, молодежь. Если этого не замечать, то социолог вольно или невольно содействует воспроизводству идеи о том, что молодежь – это проблема.

Общество склонно к рассмотрению молодежи как социальной проблемы из-за ее символического значения. Молодежь – это будущее всякого общества, а всякое отклонение молодежи от «правильного» пути (правильного с точки зрения норм среднего класса) вызывает панический страх у старших поколений. В социобиологическом подходе к определению понятия молодежи применяется идея о существовании некоего «переходного» возраста, в течение которого подростки с большим трудом переживают период «бури и натиска». Похоже, что молодым людям приходится быть девиантами, переживать сложности самого перехода, реагировать на общественное мнение и, несмотря ни на что, все-таки становиться взрослыми [13].

Хотелось бы подчеркнуть, что молодежь сегодня имеет разные ценностные ориентации, которые довольно подвижны. Динамика ценностных ориентаций зависит от социально-демографических характеристик людей, их уровня социализации, внешних факторов (политических, культурных, экономических и т.д.). В этой неоднозначности реализуются разноплановые жизненные позиции [16].

Проблемы молодежных субкультур в большей степени связаны с тенденциями и процессами, негативно характеризующими сегодняшнюю социокультурную ситуацию. Все более заметной становится тенденция социального расслоения по таким социокультурным основаниям, как образ и стиль жизни, социальная идентичность, позиция, статус. Усиливаются процессы размывания духовной самобытности российской культуры, утрачивается историко-культурная самобытность отдельных территорий, поселений, малых городов. Снижаются показатели духовной жизни общества. Продолжает расти разрыв между специализированным и обыденным уровнями культурного развития. Происходит значительная переориентация общественного сознания: с духовных, гуманистических ценностей на ценности материального благополучия, гедонизма. Возникновение такой ситуации с указанными особенностями молодежной субкультуры обусловлено целым рядом причин, среди которых наиболее значимыми представляются следующие.

Кризис российского общества. Если анализировать ситуацию, характерную для социокультурной жизни российского общества в целом, то обнаруживается ее многосложность и противоречивость. С одной стороны, наблюдаются позитивные перемены, связанные с раскрепощением сознания народа, обогащением спектра культурных инициатив за счет развития различного рода общественных объединений, движений, клубов, ассоциаций. Все более широкое использование получает адресная поддержка различных инициатив, осуществляемых в виде целевых программ федерального и локального характера. Сегодняшний потенциал культуры составляют созданные за последнее время объекты культуры: научные теории, произведения искусства, законы, промышленные изделия, архитектурные сооружения; знания о том, как можно их использовать в обыденной жизни.

Доминантой жизненных ценностей и поведенческих приоритетов остается материальное благополучие. Например, у 73% из 600 опрошенных молодых людей материальное благополучие является стимулом их жизненной активности [16]. Умение сколачивать состояние для большинства служит мерилом человеческого счастья. Полезность труда для многих молодых людей определяется дости-

жениями собственного экономического достатка. Причем ставится в основном цель зарабатывания денег, причем любым доступным путем, лишь бы этот путь приносил доход и чем больше, тем лучше. Поэтому жизненный успех связывается с предприимчивостью и деньгами, а не с талантом, знаниями и трудолюбием.

В сознании нынешней молодежи четко выражена мотивационная установка на собственные силы в реализации жизненных целей и интересов в духе новых условий рыночного хозяйствования, а здесь, как известно, возможны любые пути. Молодежь живет в общем социальном и культурном пространстве, поэтому кризис общества и его основных институтов не мог не отразиться на содержании и направленности молодежной субкультуры. Следовательно, не бесспорна разработка любых специально молодежных программ, за исключением социально-адапционных или профориентационных. Любые усилия по коррекции процесса социализации неизбежно будут наталкиваться на состояние всех социальных институтов общества и, прежде всего, системы образования, учреждений культуры и средств массовой информации. Каково общество – такова и молодежь, а следовательно, и молодежная субкультура.

Кризис воспитания и образования. Американские и британские социологи уже выяснили, что возникновение и развитие субкультур – одно из следствий кризиса института семьи и семейного воспитания. Подавление индивидуальности и инициативности ребенка, подростка, молодого человека как со стороны родителей, так и педагогов, всех представителей «взрослого» мира, не может не привести, с одной стороны, к социальному и культурному инфантилизму, а с другой – к прагматизму и социальной неадаптированности (в некоторых случаях опосредованно и к проявлениям противоправного или экстремистского характера).

В отношении семейных ценностей молодые люди превыше всего ставят независимость и карьеру, достижение высокого статуса. Семью же планируют в далекой перспективе, после создания успешной, на их взгляд, карьеры. Коммуникативные ценности отодвигаются по мере взросления. Верные друзья, надежные товарищи остаются в детстве. Отношение к близким носит все более устойчиво корыстный, коммерческий характер. Высокую коммуникативность проявляют с нужными, влиятельными людьми, отражающими определенный желаемый статус.

Агрессивный стиль воспитания порождает агрессивную молодежь, самими взрослыми приготовленную к межгенерационному

отчуждению, когда выросшие дети не могут простить ни воспитателям, ни обществу в целом ориентации на послушных безынициативных исполнителей в ущерб самостоятельности, инициативности, независимости, лишь направляемых в русло социальных ожиданий, но не подавляемых агентами социализации.

Особенно ярко снижение в системе ценностных ориентаций молодежи проявляется в ее отношении к образованию как базовой социальной ценности. Современная система образования в основном ориентирует на самостоятельное обучение и самообучение, развитие творческих способностей учащихся. Это проявляется в обобщении, критическом анализе, выработке знаний на основе предшествующего опыта. Однако современная молодежь не готова к таким индивидуальным шагам. Большинство из них не умеют самостоятельно выработать суждения, устанавливать причинно-следственные связи, выявлять закономерности, логически правильно мыслить, стройно и убедительно формулировать свои идеи, грамотно аргументировать выводы.

Образовательное информационное поле наводнено готовыми продуктами низкого качества, написанными рефератами, курсовыми, дипломными работами и даже учебным материалом сомнительного содержания. Современная молодежь не готова к использованию первичных источников, будучи склонна пользоваться сокращенными версиями, непонятно кем интерпретируемыми. В своем подавляющем большинстве молодежь ориентирована на получение любого образования с минимальными усилиями – лишь бы получить диплом. Высокий уровень притязаний к образованию носит инструментальный характер, образование рассматривается как средство перспективного конкурентоспособного положения на рынке труда и лишь затем как способ приобретения знаний.

Стоит, однако, оговориться, что согласно уже приведенным исследованиям западных специалистов к молодежным субкультурам относят себя в основном те, кто осознанно выбирает для себя данный путь. Поэтому решение проблемы воспитания молодежи заложено, скорее, в процессе неизбежного взросления.

Проблемы досуга. Коммерциализация средств массовой информации, в какой-то мере и всей художественной культуры, формирует определенный «образ» субкультуры не в меньшей степени, чем основные агенты социализации – семья и система образования. Ведь именно просмотр телепередач наряду с общением, как уже говорилось, представляет собой наиболее распространенный вид досу-

говой самореализации. Во многих своих чертах молодежная субкультура просто повторяет телевизионную субкультуру, которая лепит под себя удобного зрителя.

Молодежная субкультура есть искаженное зеркало взрослого мира вещей, отношений и ценностей. Рассчитывать на эффективную культурную самореализацию молодого поколения в большом обществе не приходится, тем более что и культурный уровень других возрастных и социально-демографических групп населения России также постоянно снижается [9].

Ценности национальной культуры, как классической, так и народной, вытесняются схематизированными стереотипами – образцами массовой культуры, ориентированными на внедрение ценностей «американского образа жизни» в его примитивном и облегченном воспроизведении. Снижение требовательности к художественному уровню произведений искусства привело к расширению потока низкопробной литературы, кино, музыки, которые в значительной мере деформировали эстетический вкус населения.

Однако вестернизация культурных интересов имеет и более широкую сферу приложения: художественные образы экстраполируются на уровень группового и индивидуального поведения молодых людей и проявляются в таких чертах социального поведения, как прагматизм, жестокость, стремление к материальному благополучию в ущерб профессиональной самореализации.

Выбор тех или иных культурных ценностей субкультурой чаще всего связан с групповыми стереотипами достаточно жесткого характера (несогласные с ними легко попадают в разряд «отверженных»), а также с престижной иерархией ценностей в неформальной группе общения.

Групповые стереотипы и престижная иерархия ценностей обусловлены половой принадлежностью, уровнем образования, в определенной мере местожительством и национальностью реципиента, однако в любом случае суть их одна: культурный конформизм в рамках неформальной группы общения и неприятие других ценностей и стереотипов, от более мягкого в среде студенческой молодежи до более агрессивного в среде учащихся средней школы. Крайним направлением этой тенденции молодежной субкультуры являются так называемые «команды» с жесткой регламентацией ролей и статусов их членов.

В современной России досуговая самореализация молодежи относительно заметно обусловлена воздействием одного лишь телеви-

дения – наиболее влиятельного институционального источника не только эстетического, но и в целом социализирующего воздействия. Народная культура (традиции, обычаи, фольклор и т. п.) большинством молодых людей воспринимается как анахронизм. Попытки внесения этнокультурного содержания в процесс социализации в большинстве случаев ограничиваются приобщением к православию, между тем как народные традиции, безусловно, не ограничиваются одними лишь религиозными ценностями. Кроме того, этнокультурная самоидентификация состоит, прежде всего, в формировании положительных чувств к истории, традициям своего народа, т.е. того, что принято называть «любовью к Отечеству», а не в знакомстве и приобщении к одной, пусть даже самой массовой, конфессии.

Именно на этом уровне субкультура молодого поколения приобретает заметные контркультурные элементы: досуг, особенно юношеством, воспринимается как основная сфера жизнедеятельности, и от удовлетворенности им зависит общая удовлетворенность жизнью молодого человека. Общее образование для школьника и профессиональное для студента как бы отходят на другой план перед реализацией экономических («зарабатывать деньги») и досуговых («интересно провести свободное время») потребностей.

Наряду с коммуникативной (общение с друзьями) досуг выполняет в основном рекреативную функцию, в то время как познавательная, креативная и эвристическая функции не реализуются вовсе или реализуются недостаточно. Сегодня, впрочем, можно говорить о существовании целого ряда различных способов самовыражения в рамках той или иной субкультуры (граффити, роллеры, риферы, байс-джампинг и т.д.).

Отсутствие самоидентификации. Одна из проблем определения в рамках субкультурного поля состоит в том, что у немалого числа молодых людей отсутствует четко выраженная личностная самоидентификация, сильны поведенческие стереотипы, обуславливающие деперсонализацию установок. Позиция отчуждения в его экзистенциальном преломлении просматривается как в отношении к социуму, так и в межпоколенческом общении, в контркультурной направленности молодежного досуга.

Социальное отчуждение проявляется чаще всего в апатии, безразличии к политической жизни общества, образно говоря, в позиции «стороннего наблюдателя». На уровне самоидентификации проявление каких-либо определенных политических установок мини-

мально. Вместе с тем эмоциональность, легковёрность и психологическая неустойчивость молодых людей умело используются политическими элитами в борьбе за власть.

Существует мнение, что аполитичность молодежи закономерный результат чрезмерной идеологизации воспитания прошлых лет, а активная политизированность граничит с социологией. Вряд ли можно согласиться с подобной позицией: если в стабильном обществе приоритеты частной жизни закономерны и естественны, то в ситуации системного кризиса социальная индифферентность молодых чревата необратимыми последствиями для будущего страны. Не менее тревожно и то, что политизация отдельных групп молодежи приобретает черты политического и национального экстремизма.

Острой социально-политической проблемой является положение представителей той или иной субкультуры, когда проходит ее пик. Вполне возможно продолжение криминальной активности некоторых из них, поскольку часто инерция социальных ролей мешает оторваться от социального дна [3].

Кризис поколений. В рамках развития той или иной субкультуры усугубляется и межгенерационное отчуждение, включающее широкий спектр неприятия – от разрушения внутрисемейных контактов (по критериям взаимопонимания и взаимного доверия) до противопоставления «нас» (как ценностного, так и деятельностного) всем предшествующим, «советским» поколениям.

Однако сегодня у молодого поколения нередко проявляется полное отрицание всех «папиных» ценностей, включая историю собственного государства. Эта позиция особенно уязвима, если иметь в виду собственную аполитичность молодых людей, их устраненность от участия в решении социальных проблем для общества, а не только групповых или корпоративных (сотрудничество) – для себя.

Особенно явственно это противопоставление прослеживается на уровне собственно культурных (в узком смысле) стереотипов молодежи: есть «наша» мода, «наша» музыка, «наше» общение, а есть «папино», которое предлагается институциональными средствами гуманитарной социализации. И здесь обнаруживается третий (наряду с социальным и межгенерационным) аспект отчуждения молодежной субкультуры.

Субкультурная ситуация, сложившаяся в 1990-е гг. на постсоветском культурном пространстве, описывается такими понятиями, как иррационализм, хаос, нигилизм, безграничная свобода и девальвация моральных ценностей. Тогда у молодежи внутренняя связь

поколения осознавалась сквозь призму критического отношения к негативным последствиям системной трансформации общества, которая проявлялась в безработице, обнищании, коррупции, взрывах насилия и т.п.

Один из истоков конфликта поколений, обнаруживший себя еще в 1960-е гг., проявляется в требовании особых знаний и навыков, которые получает вступающее в самостоятельную жизнь поколение и которых, как правило, нет у представителей старших поколений, выросших на базовых установках индустриальной эпохи [3]. Точно также нельзя не говорить о том, что разрыв поколений и индустриально-постиндустриальный разрыв, происходящие по оси «старшие поколения – молодое поколение», не сопровождаются конфликтами, которые разворачиваются по оси «молодые» – «молодые». С вхождением общества, передовой его части, в постиндустриальное состояние на этой второй оси ситуация начинает меняться, что ярче всего проявляется в молодежных субкультурах.

Гендерная социализация и сексуальная идентификация.

В исследованиях по сексуальному насилию в семье насилие понимается как нарушение физического и морального пространства человека. Имеется опыт изучения женщин с точки зрения последствий физического насилия (речь идет только о тех женщинах, которые открыто признались в совершенном над ними насилии). Одна из самых интересных идей в контексте данного подхода заключается в специфическом проявлении криминологического дискурса – «виктимологии». Идея заключается в том, что жертва как бы сама идет навстречу насилию, что в ней самой заключено некое «разрешение»: женщина (молодая девушка) своим поведением как бы сама провоцирует насилие, и если бы сама жертва вела себя по-другому, то и насилия бы не было [13].

Гендерная социализация происходит в семье путем восприятия растущими девочкой или мальчиком ролей, которые предписаны в данном социальном контексте мужу и жене, женщине и мужчине. На уроках труда девочек учили готовить и шить, то есть «чисто женским» занятиям, мальчиков учат вытачивать деревянные или железные инструменты для домашнего хозяйства.

Взрослые амбивалентны по отношению к процессу взросления в целом, но девочка сталкивается с тем, что к ней применяют еще и некие, изначально неравные оценки. Взрослые в лице общества и его социальных институтов, в лице близких взрослых и сверстников выдвигают очень противоречивые требования к тому, какой девочка

должна расти. Можно говорить хоть и о неявном, но все же достаточно сильном насилии.

Противопоставление парней и девушек в рамках субкультурного формирования, признание большей вины мальчиков в подростковых преступлениях – очень точная и яркая иллюстрация амбивалентной природы взрослых (родителей). При этом, если говорить о детях вообще, используются одни мерки и взрослые более толерантны, просвещенны и понятливы. Когда же речь идет о собственных детях, взрослые занимают совершенно другую позицию, они уже не так открыты новому.

Проблема насилия и формирование новых молодежных солидарностей. Молодежная солидарность, как и любая другая, формируется в борьбе за жизненно важные ресурсы: географическо-территориальные (молодежные подростковые субкультуры), экономические и властные (криминальные субкультуры), ценностно-нормативные (религиозные субкультуры), информационно-коммуникативные (виртуально-компьютерные субкультуры). Поэтому стремление молодежи противостоять изменениям (или отсутствию таковых) необходимо разделять по векторам: положительная, конструктивно ориентированная агрессия и негативная, деструктивно ориентированная.

В отсутствии контроля может увеличиться число деструктивных форм объединения – жестоких, агрессивных, экстремистских, превышая некий необходимый и допустимый предел, а это может привести к непредсказуемым последствиям.

Так же как и у взрослых людей, у подростков есть свой опыт жестокости. 34% старшеклассников считают, что жестокость однозначно присуща человеку и примерно столько же полагают, что в наше время может выжить только жестокий человек. Исследование показало, что у каждого третьего школьника (29%) есть личный враг, и каждый десятый ответил, что в его окружении есть человек, смерти которого он желал. Стремление наказать врага у подростков с их обостренным чувством справедливости можно считать неким магическим исправлением зла. Школьники скорее пойдут на моральное наказание своего врага (38%), чем на физическое (11,9%). И именно моральное наказание: изоляцию, бойкот, унижения – подростки посчитали самыми страшными и для себя.

Следовательно, враг для подростка – очень значимая фигура, которую он проецирует на свой внутренний мир, назначая ему собственную меру наказания. Возможно, что, теряя веру во взрослый

мир, подросток уже не нуждается в авторитетах, он сам чувствует себя судьей.

Насилие со стороны родителей оценивается подростками как стремление родителей контролировать их учебу, свободное время, выбор друзей, расходы и т.д. Наиболее существенно расходятся представления подростков с пониманием их родителей о возможном вмешательстве в их жизнь. Наиболее значимый момент расхождения приходится на самый критический момент взросления (14–16 лет).

Большее унижение собственного достоинства опрошенные школьники испытывают не от физического, а от морального наказания (насилия). При этом большинство мальчиков физическое наказание вообще не считают насилием, применение физической силы в качестве наказания у большинства подростков вообще не ассоциируется с жестокостью. Некоторые подростки даже хотели бы, чтобы лично их родители воспитывали более строго [13].

Молодежная безработица. Именно проблема «вынужденного досуга» (обратный эффект молодежной безработицы) переворачивает для многих молодых людей привычный образ жизни, вносит в молодежные культуры новые элементы, формируя новые виды активности. По сути, социология молодежных субкультур – это социология молодежного досуга. В то же время безработица вовсе не воспринимается всеми молодыми людьми как досуг. Исследования английских социологов показывают, что, даже когда молодые люди находятся в группе тех, кто, как и они, не работают, для каждого из них его собственное состояние – это индивидуальная проблема.

В послевоенные годы во время бурного развития молодежных субкультур многие подростки рано устраивались на работу (начиная с 15 лет) и в силу этого имели свободные деньги для проведения досуга и удовлетворения своих потребностей. В 1960-е гг. в Англии было проведено много социологических исследований, посвященных проблемам «перехода из школы на работу». Уже тогда ученые были озабочены тем, как много времени занимает у выпускников обоих полов процесс остепенения, адаптации на рабочем месте, как правило, на это уходило два года непрерывного труда.

В 1980-х – начале 1990-х гг. большая часть молодежи оканчивает школу уже в 16 лет, многие достаточно долгий период не работают совсем или работают частично: многочисленные социальные программы, поддерживающие их маргинальное существо-

вание, позволяют им это. Таким образом, они все-таки получают некоторую, хотя и относительную степень независимости от родителей.

Для того чтобы стать работником, необходим период серьезного жизненного эксперимента уже на самом рабочем месте. Причем работодатели стремятся получить именно постоянных, ответственных, быстро адаптирующихся к новым условиям рабочих, которые не требуют никакого дополнительного обучения. Одним из последствий безработицы является, таким образом, все большая ориентация государственной политики на придание выпускникам школ статуса дешевых и зависимых рабочих, четко отделенных и от взрослых рабочих, и от своих ровесников, ориентированных на высшее образование.

Рост безработицы, конечно же, ведет к росту деликвентной и субкультурной активности. Несмотря на то, что современная молодежная индустрия довольно успешно заполняет социальное пространство взросления своими «предложениями», у молодежи остается не просто достаточно «свободного» времени, с ними остаются их нерешенные проблемы: ограниченный, подчас маргинальный социальный статус, недостаток материальных, культурных и образовательных ресурсов.

Молодежь и церковь. Актуальной проблемой выступает отношение церкви к молодежной субкультуре в целом и ее различным проявлениям в частности. Известно, что католическая церковь достаточно давно начала использовать рок-музыку в мессах, ориентированных на молодежную аудиторию. Существуют мировоззренческие установки, которые способствуют религиозному поиску членов субкультурных движений. Кроме того, субкультура и сама формируется под влиянием различных факторов, к которым относится и религия. Также важно в плане политического самоопределения молодежи отметить некоторое совпадение моральных ценностей религии и субкультур [3].

Таким образом, устойчивость молодого поколения в социально-политическом пространстве общества обусловлена тем, что историческое и социальное развитие общества воспринимается молодежью опосредованно, через отражение опыта предыдущих поколений. Процесс воспитания также осложняется тем, что в ситуации быстрых перемен очень сложно спрогнозировать, какие ценности и стандарты поведения могут обеспечить адекватность социального поведения на ближайшее будущее.

Такая ломка ценностных ориентиров у молодых людей отчетливо вырисовывается среди еще невыработанной устойчивой системы своих нравственных социокультурных установок. К тому же изменившаяся жизнь (переход от административно-плановых к рыночным механизмам) требует новых моделей поведения. Такие жизненные принципы, как «лучше быть честным, но бедным» и «чистая совесть важнее благополучия», ушли в прошлое, и на первый план выдвинулись «ты – мне, я – тебе», «успех – любой ценой» («сам за себя»).

В настоящее время молодежь – объект государственного внимания. В 2014 г. были утверждены основы государственной молодежной политики Российской Федерации. Среди приоритетных направлений: вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития; развитие созидательной активности молодежи; интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества [11].

Таким образом, представителями субкультур интересуются на государственном уровне, разрабатываются стратегии в области молодежной политики, программы воспитания молодежи в патриотическом духе, большое внимание уделяется так называемой молодежной аполитичности. Однако при этом игнорируется то обстоятельство, что современная молодежь не просто избегает участия в политической жизни, а понимает активность по-другому, не в «государственном формате».

Как представляется, механизм управления молодежной политикой не будет эффективным, если будут созданы только его государственные элементы, как бы идеально они ни выстраивались. Важнейшие изменения в молодежной среде, включая и молодежные «протесты», связаны не только с политической, но и с культурной сферой, с борьбой за право пользования культурной свободой и далее уже за перераспределение прав на культурное доминирование.

Контрольные вопросы

1. Какие можно назвать основные проблемы молодежных субкультур?
2. С чем связан кризис воспитания и образования?
3. Как СМИ влияют на развитие субкультур?
4. Чем можно объяснить аполитичность современной молодежи?
5. Что такое гендерная социализация?

Тема 6. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

Тема влияния глобализации на молодежные субкультуры выбрана не случайно. Социальная группа молодежи, для которой характерно активное стихийное и никем не контролируемое заимствование культурных ценностей особенно подвержена процессам глобализации в современном обществе. В силу своих психолого-возрастных особенностей молодежь более всех остальных групп тяготеет к вненациональным и неидеологизированным формам культуры. Вследствие культурной диффузии (заимствования), практически не знающей национальных границ и легко и быстро распространяющейся по странам, регионам и континентам, возникают новые глобальные субкультуры.

Распространение одинаковых культурных образцов по всему миру, открытость границ для взаимовлияния и расширяющееся межнациональное общение – все это говорит о процессе глобализации современной культуры. В связи с этим необходимо закрепить понятие глобализации. В общих чертах *глобализация* – это мировое разделение труда, миграция (и, как правило, концентрация) в масштабах всей планеты капитала, рабочей силы, производственных ресурсов, стандартизация процессов, а также сближение и слияние культур разных стран [10].

В контексте образования субкультур нам интересно понятие культурной глобализации, для которой характерны сближение деловой и потребительской культуры между разными странами мира и рост международного общения. С одной стороны, это приводит к популяризации отдельных видов национальной культуры по всему миру.

Например, глобализация нередко отождествляется с американизацией, что связано с усилившимся во второй половине XX в. влия-

нием США в мире. Сравнивая цены в разных странах на бутерброд BigMac из местного ресторана McDonald's, анализируется покупательная способность разных валют (индекс Биг-Мака). Один из символов глобализации – ИКЕА – появился в Швеции. Популярная служба мгновенных сообщений ICQ впервые была выпущена в Израиле, а известная программа Skype была разработана эстонскими программистами.

С другой стороны, популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные или превращать их в интернациональные. Многие это расценивают как утрату национальных культурных ценностей и борются за возрождение национальной культуры. Результаты исследования World Values Survey, в котором были проанализированы 65 стран и 75% мирового населения, показали, что основные культурные ценности сохраняются, несмотря на глобализацию [23].

Несмотря на то, что McDonald's часто символизирует глобализацию, при ближайшем рассмотрении меню этих закусовых учитывает местные обычаи и очень часто включает множество самых разных местных блюд. Например, в Гонконге это Сёгунбургер (терияки из свинины с салатом на булочке с кунжутом), МакШаверма в Израиле, МакАрабия в Саудовской Аравии и т.д.

Практически все существующие такие проблемы связаны с глобализацией, которая существенно обострила и выявила новые грани в соотношении культур всего мира. Глобализация открывает более широкие возможности для взаимного знакомства и сближения культур. С появлением глобального информационного пространства возможности их взаимопроникновения настолько возросли, что стал вопрос о мировом политическом резонансе. Среди относительно новых акторов можно увидеть представителей субкультурных сообществ.

В наибольшей степени идеи глобализации культуры связаны с двумя противоположно истолкованными современными культурными процессами:

С одной стороны, с постмодернистской концепцией современного мира, для которого характерны процессы демократизации культуры через компьютеризацию, самодеятельную печать, новые музыкальные формы со все большим включением в музыкальное творчество самих слушателей. Все более и более свободным становится доступ к средствам производства культурных ценностей.

С другой стороны, с американизацией – идеей о том, что глобализация культуры – это своеобразная форма культурного империа-

лизма Запада, который «душит» или искажает нормальные, естественные, здоровые культурные традиции в других странах.

Глобализация является объективным процессом; имеет как позитивные, так и негативные последствия, к которым относится глобализация различных форм девиантности: проституции, наркотизма, организованной преступности, терроризма. Старение населения подвело многие развитые страны к демографической «точке опрокидывания», на фоне чего образуется демографический приоритет молодежи.

Социальные условия формирования современных субкультур в условиях глобализации можно видеть в следующем:

1. Возникли новые телекоммуникационные и информационные системы, давшие импульс развитию явления глобализации. Глобализация подтолкнула современное российское общество к социокультурному сдвигу, где «потребности людей становятся более разнообразными, а субординация их интересов – все более сложной». Как следствие – высокая степень подверженности влиянию подобных групп информационному воздействию из значимых для субкультурной группы источников.

Важную роль здесь играет развитие креативности как принципиально нового международного объединяющего фактора субкультурных сообществ. Данный механизм основан на том, что информационная эра уничтожает границы, в том числе информационные. Речь идет о базисном процессе, связанном с уходом от прежней индустриальной модели [3].

Досуг молодежи – одна из сфер жизнедеятельности, в которой наиболее ярко проявились последствия этих трансформаций. Результат таких изменений – формирование социально-культурного феномена молодежной культуры. В связи с интеграцией российского культурного пространства в мировое стали распространяться нетрадиционные виды досуга, которые послужили основой для формирования разнообразных молодежных субкультур.

2. Во многих странах наметился переход от ассимиляции (отказ меньшинства от своих культурных традиций и ценностей и их замена традициями, которых придерживается большинство) к мультикультурной модели (социализация индивида в общей культуре и существующих субкультурах). Как результат начавшихся благодаря глобализации процессов аккультурации и ассимиляции культур и субкультур высокая степень обособленности групп приводит к снижению и полному нивелированию социальной активности и социального интереса ее членов.

Примером данного явления может служить отказ от участия в политических выборах, отказ от социального волеизъявления и перенаправления социальной активности на внутригрупповые процессы. Выпадение из устойчивой социальной структуры, человек обнаруживает несоответствие своих идеалов противостоящей им реальности и становится «социальным маргиналом». Допустимо говорить, что именно выпадение из социальной структуры, утрата социального интереса еще больше способствуют уходу формирующейся личности в субкультурные процессы. В данном случае обособленная группа представляет собой психотерапевтическое явление, которое позволяет человеку выйти из ситуации социальной фрустрации и избежать невротизации [15].

3. Либерализация общества и получение иллюзорной «свободы совести и мысли», следствием чего является деструкция ценностей. Культурные и моральные ценности заменяются субкультурными, которые подчас чужды и оказывают негативное воздействие на социальные процессы. Как следствие – потеря членом субкультурной группы социального интереса, что приводит к снижению его социальной и политической активности.

В этом контексте интересны проводимые сравнительные исследования. Так, американскими специалистами из Pew Research Center for the People and the Press были получены данные учебных заведений и университетов Хьюстона (Техас), где в течение семи лет исследовался ценностный потенциал групп управляющих, активная деятельность которых преимущественно будет протекать в XXI в. [3]. Эти данные позволяют заключить, что глобализация очень немногими воспринимается как способ повысить благосостояние населения мира. Международные структуры, олицетворяющие собой процесс глобализации, пользовались все меньшим авторитетом у молодежи.

В результате глобализации сама молодежь позиционируется обществом в потребительских формах. Это находит свое выражение в ряде уже достаточно устоявшихся субкультур:

Рэйверы (англ. rave – бессвязная речь, весёлое сборище, вечеринка).

Еще с начала 1990-х гг. в Англии с культурой «рейв», а затем и во всей Европе в клубах или в любых других, самых неожиданных, но, как правило, заранее объявленных местах (на больших складах, на бывших курортах, в больших заброшенных зданиях) проходят вечеринки, куда съезжаются молодые люди – рейверы. Это молодежь, которая субкультурно оформилась вокруг электронной танцевальной музыки. В конце 1990-х рейверами называли неопределен-

ную общность обычной молодежи, слушавшей и танцевавшей под электронную музыку и не входившей в продвинутую клубную сцену. Культура рейва – это всеобщие бдения, культ экстази, пацифизм и унисекс (рис. 19). Постепенно рейв коммерциализировался, поэтому частью альтернативной молодежи стал расцениваться как разновидность техно-попсы. В коммерческих рейв-проектах может принимать участие до двадцати тысяч человек.

Рис. 19. Рэйвер на дальневосточном фестивале «P.L.U.R.»

Огромное влияние на развитие этого направления оказали технические достижения, негритянские традиции рэпа и диджейские практики, которые переросли во влиятельную культуру с множеством стилей. Появление в техническом музыкальном оборудовании сэмплера, с помощью которого практически любой может делать свою музыку из обрывков

чужой, открыло новую эпоху в развитии субкультур. Ранняя рейв-сцена расцвела в Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Монреале. Впоследствии рейверы стали доминирующей культурой, составив продвинутую часть молодежного мэйстрима.

Вершиной этого движения можно считать «Love Parade» («Парад Любви») в Берлине, а затем и в Эссене, Дортмунде и других городах Германии. Акции с участием до полутора миллиона человек, танцующих под электронную музыку с разукрашенными лицами в немного нелепых, но от этого ещё более привлекательных костюмах. В России клубной столицей считается Санкт-Петербург. В северной столице проводились и проводятся рейвы под названием «Пиратская станция», «MayDay», «FortDance» «Sensation» и др.

Из-за того, что и движение, и музыка объединяют в себе много различных элементов, сложно обнаружить здесь некую общую нить. Однако можно выделить следующие идеологические принципы, с которыми непосредственно ассоциируется рейв (известная аббревиатура P.L.U.R.): Peace (Мир) – находиться в мире со всеми окружающими людьми. Love (Любовь) – быть близким со всеми людьми без исключения, проявлять заботу о них. Unity (Единство) – быть вместе во имя сохранения вселенского мира и любви. Respect (Уважение) – понимать и принимать многообразие культур.

Для внешнего вида рейверов характерны яркие цвета в одежде, пластиковые солнцезащитные очки, короткие крашенные волосы у юношей, цветные пряди длинных волос у девушек. Крайне попу-

лярен пирсинг, а в дизайне используется символ «смайлик». Рейверы восприняли многое от символики хиппи: «цветы мира», длинные волосы, подчеркнуто простая одежда, сшитая из натуральных тканей и произведенная в странах третьего мира. Мальчики (подростки) не агрессивны ни в прямом, ни в сексуальном смысле. Поэтому часто говорят о «рейв» как о первой постспидовской молодежной культуре. Если сравнивать ее, например, с культурой рок-н-ролла, где секс был так же важен, как наркотики и сам рок-н-ролл, то в рейве достижение состояния восторженного танца заменяет им случайную сексуальную активность. В этом смысле очень показательна распространенная среди девушек в 1990–2000-е мода – они носили соски, которые подчеркивали имидж детской наивности [13].

Анализируя рейверов, можно отметить, что для рейв-культуры характерно: активная демонстрация своей непохожести (выражается во внешнем виде), активная асоциальность как желание изменить неудовлетворительную реальность. В каком-то смысле культура «рейва» подрывает агрессивные ценности современного постиндустриального мира. Существуют и определенные проблемы с рейверами: их тусовки часто признаются нелегальными, потому что у них нет разрешений на массовое мероприятие, многие из них употребляют наркотики, все они ведут необычную ночную жизнь. Власти Великобритании враждебно реагировали на растущую популярность рейвов: они неоднократно открыто выражали свое недовольство и штрафовали любого, кто устраивал незаконные вечеринки, а полиция применяла суровые меры к толпе загородных рейверов. В этом смысле движение «рейв» можно считать контркультурным. Но хотя рейверы и выступают против определенных ценностей общества, тем не менее, они не живут какой-то отдельной жизнью и в этом смысле отчасти воспроизводят именно те ценности, против которых они выступают.

Метросексуалы или новые «моды». Метросексуалов нельзя назвать молодежной субкультурой в строгом смысле этого слова. Это одна из форм гендерных экспериментов, характерных не только для молодежных субкультур, но и для подхватившей эти идеи модной молодежной индустрии в условиях глобализации. Речь идет о популярности идеи «унисекса», ставшей основной темой рекламы продукции фирмы Calvin Clain, Paco Rabanne, а затем и многих других.

Идея унисекса обыгрывается как «спрятанный», загадочный тендер: одинаковая одежда, одинаковые аксессуары, одинаковая косметика и парфюмерия, одинаковые прически. Однако при этом удивительным образом стилистам удается сохранить присутствие в

мужчине – мужественности, а в женщине – женственности, проявляющихся лишь через пластику и мимику.

Новые «моды» склонны к вегетарианству, участию в движениях разоружения, защиты животных и других движениях против насилия и несправедливости. Метросексуалы могут и не уходить из «нормального» мира, а участвовать в различных организациях альтернативного типа, не вступая при этом в противоречие со своими ценностями.

Хакеры. Истоки субкультуры хакеров берут начало в 1960-е гг. в Массачусетском технологическом институте США, где молодые ученые, раздраженные бюрократическими препонами на пути к малодоступным в то время компьютерам, начали прокладывать собственный путь в информационные системы (рис. 20).

Рис. 20. Хакерская деятельность

Формирование выстроенной вокруг информационных технологий культуры, стержневым принципом которой стало провозглашение свободы индивида от власти любых структур, соединило технократические идеи ученых и инженеров, разрабатывающих новейшую вычислительную технику; идеология хакеров, постулирующая свободную циркуляцию информации; пророчества теоретиков постиндустриального общества; анархистские идеалы маргинальных субкультур, отстаивающие незыблемость личной свободы; идеи экономического либерализма. События 1960–1970-х гг. могут считаться началом отсчета формирования киберкультуры, подобно тому, как парижские события 1968 г. стали отправной точкой культуры постмодерна [3].

Хакерская деятельность послужила основой для движения киберпанков, в котором наиболее показательно слились технологические, культурные, философские и эстетические аспекты информационной революции. Они декларировали собственное отрицание «прямого» мира посредством вольного стиля одежды, сексуальной распущенности, громкой музыки и рекреационных наркотиков. В качестве общественного идеала они видели так называемую «экопию» – социальное устройство, в котором полагается конец господству машин, а производство перестает довлеть над окружающей средой, люди в этом мире живут большими группами, в чем можно

было видеть влияние теорий М. Маклюэна о «глобальной деревне» [24. С. 117–225].

Особенно заметна глобальная природа хакерской субкультуры на фоне противопоставления ее субкультуре антиглобалистов, показывающей противоречивое отношение к перспективе всеобщей информатизации. Сетевой либерализм является своего рода социальной, политической, экономической и этической импликацией основополагающих принципов устройства глобальной сети. Наиболее заметным воплощением либертарианства в Интернете стала «Декларация независимости киберпространства» Д. Барлоу, написанная и размещенная в сети в 1996 г. в ответ на попытку американского правительства ввести цензуру в Интернете. Декларация независимости киберпространства служит примером, иллюстрирующим, как некогда локально провозглашенные киберпанками принципы неограниченной свободы информации и особого статуса киберпространства становятся основополагающими в процессе телекоммуникации в Интернете. Подобный опыт широко распространен в Италии и странах Латинской Америки, известен в Голландии и Швейцарии [3].

Геймеры – люди, увлекающиеся компьютерными играми наряду с прочими общечеловеческими развлечениями не в ущерб возложенным на них социальным функциям. Геймерами также называют людей, испытывающих нездоровую патологическую тягу к компьютерным играм, повлекшую за собой некоторое смещение восприятия реальности, но не переходящую в ранг психической ненормальности (рис. 21).

Рис. 21. Геймеры на военной службе
(управление беспилотниками)

Глобализация этой субкультуры связана с тем, что миллионы людей по всему миру играют в одни и те же популярные игры, а наиболее успешные участвуют в международных виртуальных и реальных турнирах по компьютерным играм. Россия – единственное в мире государство, где компьютерные игры официально признаны спортом, официально действует Федерация компьютерного спорта, а ее участники получают спортивные разряды [20] (рис. 22).

Рис. 22. Феномен глобализации – субкультура косплей в Малайзии

Геймеров нельзя в полном смысле рассматривать как «классических» представителей молодежной субкультуры, потому что их нельзя считать потерянными для реальности. Так, игры в ВВС США используются в качестве тренажеров – авиасимуляторов. Перенять опыт американцев решили и в Южной Корее, путем призыва на военную службу «профессиональных» геймеров, которые будут помогать разрабатывать программные комплексы-тренажеры для пилотов. После прохождения «курса молодого бойца» геймеров будут отправлять в специальную часть, где они будут тестировать создаваемые авиасимуляторы и симуляторы наземных боевых действий.

Антиглобалисты. Как ни странно, антиглобалистов также можно считать субкультурой, попавшей под влияние глобализации. С начала 2000-х гг. по всему миру начинают формироваться антиглобалистские движения и организации. Начало было положено во время массовой акции в Сиэтле в декабре 1999 г., которая была связана с прохождением конференции ВТО и направлена против политики экономической глобализации, вызвала большой резонанс в мировом сообществе, спровоцировав демонстрации протеста во Франции, Германии, Канаде и других странах (рис. 23).

Рис. 23. Демонстрация антиглобалистов

Позднее в ряды «антиглобалистов» вошло значительное количество субкультурных сообществ, опирающихся на разные идеологические основы: марксистскую, пацифистскую, анархистскую, националистическую, энвайременталистскую, изоляционистскую и т.д. Среди новых субкультурных групп появились защитники животных, представители сексуальных меньшинств, приверженцы притесняемых религий, представители молодежных, студенческих и антивоенных движений, борцы за права человека, защитники прав потребителей, противники абортов, безработные, хиппующая молодежь. В начале XXI в. в мире насчитывалось более двух с половиной тысяч организаций антиглоба-

листского толка. При этом, борясь за свои политические интересы и против глобализации, эти сообщества пользуются всеми средствами и инструментами глобализации [3].

В целом глобальное информационное пространство выводит на международную арену все новых акторов, что связано с качественным увеличением возможностей влияния и взаимодействия, которые предоставляют современные информационно-коммуникационные технологии. В субкультурных группах нашего времени обнаруживаются черты, присущие аналогичным движениям в прошлом.

Благодаря возможностям глобального информационного пространства существенно расширились и увеличили свое политическое влияние организации по защите животных. Субкультурные сообщества при вхождении в глобальные процессы могут принимать самые неожиданные формы, среди них – сквоттинг – акт самовольного заселения покинутого или незанятого места или здания лицами (сквоттерами), не являющимися его собственниками или арендаторами, а также не имеющими иного разрешения на его использование.

Субкультурные сообщества, такие, как музыкальные, имиджевые, политические, мировоззренческие, по своей сути публичны. Информационная составляющая глобализации позволяет субкультурам стать масштабнее и весомее, общественные движения получают возможность развиваться, несмотря на государственные границы.

Контрольные вопросы

1. С какими противоположными тенденциями связаны идеи глобализации культуры?
2. В чем специфика формирования субкультур в условиях глобализации?
3. Какие субкультуры образовались в результате глобализации?
4. Что такое киберкультура?
5. Почему антиглобалистов можно считать субкультурой, павшей под влияние глобализации?

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аномия – отсутствие чёткой системы социальных норм и разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестаёт соответствовать идеальным общественным нормам.

Брейк-данс – уличные танцы, имитирующие движения роботов и содержащие элементы акробатики.

Бейсджампинг – экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков с фиксированных объектов.

Бэкпэкер (от англ. backpack – «рюкзак») – распространённый в последние десятилетия термин, обозначающий путешественника, совершающего самостоятельные путешествия за небольшие деньги, чаще всего принципиально отказываясь от услуг туроператоров.

Готы – представители молодёжной субкультуры, зародившейся в конце 70-х годов XX века на волне пост-панка.

Граффити – вид уличного искусства, одна из самых актуальных форм художественного самовыражения по всему миру.

Дискурс – система взаимосвязанных между собой символов, где каждый символ есть ссылка на опыт.

Девиантное поведение – поведение, отклоняющееся от общепринятых культурных норм.

Духовная культура – язык, знания, верования, нормы, ценности, многое другое, т.е. все то, что возникает в сознании людей и определяет их поведение.

Контркультура – совокупность норм и ценностей конкретных социальных групп, противоречащих общекультурным нормам и ценностям в обществе.

Культурная диффузия – пространственное распространение культурных достижений одних обществ в другие. Возникнув в одном обществе, то или иное явление культуры может быть заимствовано и усвоено членами многих других обществ.

Культурные универсалии – нормы и ценности, которые присущи всем культурам независимо от географического положения, исторического периода или социальных условий.

Материальная культура – это то, в чем материализуются знания, умения и верования людей.

Мейнстрим – господствующее направление, преобладание которого обусловлено властными социальными позициями проводящих его ученых и идеологов.

Молодёжная субкультура – совокупность ценностей, традиций, обычаев, присущих молодёжи, у которых досуг и отдых как ведущие формы жизнедеятельности вытеснили труд в качестве важнейшей потребности.

Неформальные группы – группы, возникшие на основе субъективных потребностей, интересов, стремлений индивидов, причём интересы этих групп могут как совпадать с общественными интересами, так и противоречить им.

Обряды – совокупность символических коллективных действий, обусловленных обычаями и традициями и воплощающих в себе нормы и ценности.

Рейв (англ. “rave”) – массовая дискотека с выступлением диджеев и артистов, где каждый может почувствовать мощную энергетику музыки; название электронной танцевальной музыки, которую играют на таких дискотеках, совершенно точного определения не имеет.

Руферство – это исследование крыш зданий, в поисках разных полезностей, просто любовь к красоте, открывающейся с высоты птичьего полета.

Субкультура – это набор символов, убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, отличающих то или иное сообщество или некую социальную группу. Присуща более мелкой социальной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленной.

Социальные нормы – это правила, образцы и стандарты поведения в соответствии с ценностями определенной культуры.

Социальные ценности – это общественно одобряемые и принятые убеждения по поводу основных стремлений человека.

Тинейджер – юноша или девушка в переходном от детства к юности возрасте. Современная наука определяет подростковый возраст в зависимости от страны (региона проживания) и культурно-национальных особенностей, а также пола (от 12–14 до 15–17 лет).

Традиции – элементы социального и культурного наследия, которые передаются из поколения в поколение и сохраняются в течение длительного времени.

Толерантность – терпимость, снисходительность к кому- или чему-нибудь.

Хиппи (от англ. “hippy” или “hippie”; от разг. “hip” или “her”, в просторечье хиппари, хиппаны) – «модный, стильный»; согласно Оксфордскому словарю, происхождение “hip” неизвестно, это молодёжная философия и субкультура, возникшая в США в 1960-х.

Ценностные ориентации – элементы структуры личности, сформированные и закреплённые жизненным опытом индивида в ходе процессов социальной адаптации.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

1. Айзенштадт, Ш. Традиция, перемены и современность / Ш. Айзенштадт. – М., 1973. – 517 с.
2. Громов, И.А. Западная социология / И.А. Громов, И.А. Мацкевич, В.А. Семёнов. – СПб.: ООО «Изд-во ДНК», 2003.
3. Диденко, Ф.С. Политологический анализ трансформации молодежных субкультур в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук / Ф.С. Диденко. – М., 2009. – 167 с.
4. Козлов, В. Эмо / В. Козлов. – М.: Изд-во «Амфора», 2008. – 97 с.
5. Корякина, Е.П. Развитие культурологической мысли в XIX–XX веке: важнейшие концепции культуры: учеб. пособие / Е.П. Корякина. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. – 53 с.
6. Лакановский психоанализ / под ред. д-ра психол. наук Ф.Е. Василюка // Московский психотерапевтический журнал: Специальный выпуск. – 2004. – № 3.
7. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966.
8. Михель, Д. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе» / Д. Михель. – Саратов, 1999.
9. Молодежная субкультура в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=5944> (дата обращения 5.07.2015).
10. Новикова, И.В. Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия / И.В. Новикова. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009.

* Источники, выделенные в списке литературы жирно, являются обязательными к изучению

11. Об утверждении Основ государственной молодежной политики до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://m.government.ru/docs/15965/> (дата обращения 5.01.2016).
12. Омельченко, Е. Краткий обзор отечественных и зарубежных теорий молодежи [Электронный ресурс] / Е. Омельченко. Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-02-19-29-29> (дата обращения 5.01.2016).
- 13. Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. – М.: Изд-во Институт социологии РАН, 2000. – 264 с.**
14. Панин, С. Хозяин улиц городских / С. Панин // Родина. – 2002. – № 2.
15. Розин, В.М. Психология. Наука и практика: учебник для вузов / В.М. Розин. – М.: Омега-Л, 2005.
16. Ромашова, Л. Ценностные ориентации современной молодежи [Электронный ресурс] / Л. Ромашова. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/1014/> (дата обращения 5.01.2016).
17. Сивцева, К. Современные неформальные группы [Электронный ресурс] / К. Сивцева, В. Киселева. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Pedagogica/6_165505.doc.htm (дата обращения 5.01.2016).
- 18. Современная американская социология / под ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. – 296 с.**
- 19. Социология. Общий курс: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 332 с.**
20. Федерация компьютерного спорта России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://resp.su/> (дата обращения 5.01.2016).
21. Ховрин, А.Ю. Социальное партнерство в сфере реализации общественной молодежной политики / А.Ю. Ховрин // Социально-гуманитарное знание. – 2007. – №5. – С. 179.
22. Хозяин улиц городских. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kompost.ru/nt_hozain_ulic_gorodskih_.html (дата обращения 5.07.2015).
23. Хутиева, Е.С. Процесс глобализации: влияние на социальный прогресс / Е.С. Хутиева. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 78 с.
24. Шредер, Р. Киберкультура, киборгпостмодернизм и социология технологий виртуальной реальности: скольжение на волнах души в век информации / Р. Шредер // На путях постмодернизма. – М., 1995.

25. Alvarez, L. *The Power of the Zoot: Youth Culture and Resistance During World War II* / L. Alvarez. – University of California Press, 2008.
26. Cohen, S. *Folk Devils and Moral Panics. The Creation of the Mods and Rockers* / S. Cohen. – Oxford: Basil Blackwell, 1972. Ch. 1.
27. Doja, A. *Claude Lévi-Strauss at his Centennial: toward a future anthropology* / A. Doja // *Theory, Culture & Society*. – 2008. – №25(7-8). – P. 321–340.
28. Fergusson, R. *Shorter Slang Dictionary* / R. Fergusson, E. Partridge, P. Beale. – Routledge, 1993. – P. 113.
29. Goffman, E. *Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity* / E. Goffman. – N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.
30. Hechter, M. *Christine Horne. Theories of Social Order: Paul Willis Learning to Labor* / M. Hechter. – Stanford, California: the Board of Trustees of the Leland Stanford Junior University, 2009.
31. Moore, W.E. *Social Change*, Prentice Hall / W.E. Moore. – New Jersey, 1964. – 321 p.
32. Murdock, G.P. *Ethnographic Atlas: A Summary* / G.P. Murdock. – Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press, 1967.
33. Pilkington, H. *Russia's Youth and its Culture. A Nation's Constructors and Constructed* / H. Pilkington. – London; New York: Routledge, 1994.
34. Sutherland, E.H. *Principles of Criminology* / E.H. Sutherland, D.R. Cressey. – Chicago: Lippincott, 1960. – 646 p.
35. William, Lawlor. *Beat culture: lifestyles, icons, and impact* / William, Lawlor. – ABC-CLIO, 2005. – 392 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Тема 1. КУЛЬТУРА И СУБКУЛЬТУРА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И МНОГООБРАЗИЕ ПОНЯТИЙ	6
Тема 2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СУБКУЛЬТУР	17
Тема 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СУБКУЛЬТУРНЫХ ДВИЖЕНИЙ. ОСНОВНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ ЗАПАДА	35
Тема 4. МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	45
Тема 5. ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	65
Тема 6. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ	77
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	88
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	91

Учебное издание

Голобоков Андрей Сергеевич

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

Редактор М.А. Шкарубо
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано в печать 28.06.2016. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,5.
Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 200 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41